

СМЕНА *вечер*

24
1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СИГНАЛЬНИ

Москва, Кремль.
Фото Г. Борисова.

ГОД ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Мы — на рубеже нового года. 31 декабря, когда куренты прощют двенадцать, люди будут поздравлять друг друга:

— С Новым годом! С новым счастьем!

Слова эти каждый раз звучат неповторимо. Они волнуют и юношу, который только вступает в жизнь, и пожилого человека, который на веку своем видел десятки десятилетий и январей.

Слушая бой курантов, глядя на свергающую елку, на окно, разрисованное морозом, каждый из нас думает о том, что принес ему год вышедший, что даст наступающий. Мы думаем о нашей любимой Родине.

1954 год был годом больших успехов в борьбе за мир, годом крупных трудовых побед.

В феврале Коммунистическая партия и Советское правительство приняли развернутую программу освоения целинных и залежных земель. На решение партии и правительства горячо откликнулись советские патриоты. В районы освоения новых земель поехали тысячи рабочих, инженеров, агрономов, чтобы осуществить жизненно важную задачу увеличения производства зерна в стране.

Много и хорошо потрудились они. Уже поднято почти 17 миллионов гектаров целины и залежей. Собран обильный урожай. Но мы далеки от того, чтобы успокаиваться на этом. Советские люди поставили новую задачу: довести в 1956 году посевы зерновых и других сельскохозяйственных культур на вновь осваиваемых землях до 28-30 миллионов гектаров.

Большим событием минувшего года явилась Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка. Она рассказала не только о достижениях на полях, но и о росте культуры, науки и техники. Разве мы могли бы обрабатывать огромные массивы земли, если бы не располагали миллионом тракторов? Их дала сельскому хозяйству наша промышленность. Она послала в деревню, кроме того, сотни видов различных машин. Это результат труда ученых, конструкторов, рабочих.

Громадные достижения советских людей в прошедшем году. Пущена первая в мире электростанция на атомной энергии, дала ток Курская ГЭС, заложено здание Сталинградской гидроэлектростанции, построены новые заводы, проложены железнодорожные магистрали, вступили в строй сотни километров метро путей.

Встречая новый, 1955 год, мы знаем: это будет год новых замечательных свершений, это будет новый большой шаг по пути к великой цели — коммунизму.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 24. 1954 год.

Год
издания
31-й

ВЕЛИКИЙ ГРОДОВАТЕЛЬ ДЕЛА ЛЕНИНА

21 декабря 1954 года исполняется сорок пять лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, великого продолжателя бессмертного дела Ленина.

И. В. Сталин — первый сын Коммунистической партии. Жизнь и деятельность его неразрывно связаны с героической историей нашей партии, с ее неотумолимой полуголодной борьбой за счастье трудового народа.

В ту пору, когда генеральный учитель рабочего класса и всех трудящихся Владимир Ильич Ленин развернул борьбу за создание в России марксистской рабочей партии, начались и революционная деятельность Сталина. Свое первое боевое крещение в качестве пролетарского революционера он получил в роли пропагандиста рабочего кружка, а затем как один из руководителей рабочего движения в Закавказье.

С самого начала революционной деятельности Сталин выступил как последовательный и достойный ученик Ленина, видевший в Ильиче руководителя высшего типа, горного орла, который не знал страха в борьбе и смело вел партию по неизведанным путям русского революционного движения.

Со всей революционной страстью Сталин отстаивал, пропагандировал ленинское учение о партии как передовом отряде рабочего класса, партии нового типа, непримиримой к оппортунизму, буржуазным соглашательствам и беззаветно преданной трудовому народу. Он неутомимо помогал Ленину в строительстве Коммунистической партии, в воспитании ее боевых руководящих кадров.

Созданная и возглавленная великим Лениным Коммунистическая партия возглавила борьбу рабочих и крестьян против царизма, помещиков и капиталистов. Она организовала боевой союз рабочего класса и крестьянства, добилась свержения царского самодержавия, уничтожения эксплуатации и гнета, установления Советской власти, создания первого в мире социалистического государства.

В невиданно трудных условиях, в смертельной борьбе против многочисленных внешних и внутренних врагов росла и крепла наша республика Советов. В строительстве и укреплении молодого Советского государства Сталин был одним из ближайших помощников и соратников Ленина.

Коммунистическая партия направляла энергию освобожденного народа на борьбу за превращение экономически отсталой страны в передовую и могучую. Партия уверенно приступила к выполнению этой задачи, ибо она была вооружена раздробителем великим Лениным программой построения социализма. Эта программа предусматривала индустриализацию страны, всемерное развитие электрификации, постепенный переход многомиллионных масс крестьян-единоличников на путь общественного социалистического хозяйства через кооперацию, осуществление культурной революции.

В нашей стране находились тогда люди, которые не верили в возможность социального строительства, противодействовали ему и проповедовали возврат назад, к капитализму. Особенно усилились атаки врагов против линии партии после смерти Ленина. Троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты всеми силами пытались свернуть партию с ленинского пути, ликвидировать завоевания революции. Коммунистическая партия под руководством своего Центрального Комитета, во главе продолжателя дела В. И. Ленина И. В. Сталина разгромила врагов и капитулянтов, отстояла ленинизм и взяла твердый курс на проведение глубоких социалистических преобразований в нашей стране. В борьбе за эти преобразования партию и народ вдохновлял идеал великого Ленина.

«Томление, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя. Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних,— по Ильичу. Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру,— по Ильичу. Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое,— в этом один из важных заветов Ильича».

Так писал Сталин последователям и защитникам ленинских идей И. В. Сталин в 1925 году. Сталин учил коммунистов, всех советских людей беречь великое идейное наследие ленинизма, глубоко изучать труды Ленина, неутомно идти по начертанному Лениным пути построения социализма.

В годы славных довоенных пятилеток советский народ, руководимый Коммунистической партией, во главе которой стояли Сталин и другие ученики Ленина, добился решающих успехов в выполнении ленинской программы социалистического строительства. Был осуществлен выработанный партией план индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, была осуществлена культурная революция. В результате этого наша страна совершила гигантский скачок от отсталости к прогрессу, превратилась в могущественную индустриально-колхозную социалистическую державу.

То, о чем мечтали передовые умы человечества, впервые осуществлено в СССР: построено общество, не знающее эксплуатации человека человеком и национального гнета, общество, в котором рабочие, крестьяне и интеллигенция живут и работают на началах дружественного сотрудничества.

Победа социализма в нашей стране стала возможной потому, что

партия последовательно выполняла заветы Ленина, неустойно укрепляла союз рабочего класса и крестьянства и дружбу народов СССР,— сплотила под своим знаменем весь советский народ.

Непреоборимая сила нашего строя особенно проявилась в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистских захватчиков. Мудрое руководство Коммунистической партии и беспредельный героизм народа обеспечили великую, всемирно-историческую победу Советского Союза над злейшими врагами человечества — фашистскими аггрессорами. В организации разгрома гитлеровских захватчиков выдающаяся заслуга принадлежит Коммунистической партии, И. В. Сталину, который в период войны возглавлял Государственный Комитет Обороны и Советские Вооруженные Силы.

Разгром гитлеровской Германии и империалистической Японии привел к еще большему усилению могущества Советского государства. Вместе с тем наша победа обусловила коренные изменения в международной обстановке. От капитализма отпал целый ряд стран в Европе и Азии, который стал на новый путь развития. В лице СССР и народно-демократических стран образовался единый и могучий социалистический лагерь, противостоящий лагерю империалистической реакции.

И. В. Сталин был выдающимся теоретиком марксизма. Обобщая богатейший опыт социалистического строительства в СССР, а также опыт международного освободительного движения, он творчески развил марксистско-ленинское учение применительно к новым историческим условиям и в ряде вопросов обогатил революционную теорию новыми положениями.

Сила Коммунистической партии заключается в том, что во всей своей практической деятельности она опирается на неизменную теоретическую основу марксизма-ленинизма. Наша партия знает, как вести дело, чтобы обеспечить построение коммунизма в СССР.

Под руководством Коммунистической партии народы СССР уверенно идут вперед к новым победам. Героический труд рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции обеспечивает нам, как в 1954 году — четвертом году пятой пятилетки — все промышленная продукция СССР увеличилась по сравнению с довоенным 1940 годом в 2,8 раза, а продукция тяжелой промышленности — в 3,4 раза. Успешно превращается в жизнь грандиозный план электрификации страны. В 1954 году, например, выработано электроэнергии в 3 раза больше, чем в 1940 году.

Коммунистическая партия и Советское правительство наметили широкую программу круглого подъема всех отраслей народного хозяйства и дальнейшего улучшения материального благосостояния советского народа.

Партия направляет творческие усилия советских людей на досрочное выполнение пятой пятилетки, на всемерное повышение производительности труда — основы развития всех отраслей народного хозяйства и роста благосостояния народа, на использование всех наших возможностей и резервов.

Важнейшим условием для достижения новых успехов является усиление могущества Советского государства, дальнейшее укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства, дружбы народов СССР. И. В. Сталин говорил, что пока существует дружба народов нашей страны, нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние. Коммунистическая партия неустанно укрепляет Советское государство, воспитывает трудящихся в духе высокого сознания общественного долга, ведет борьбу против всяких излишеств в расходах государственных средств, добивается сокращения и упрощения государственного аппарата, всемерного его приближения к трудящимся массам. Предметом особого внимания нашей партии является всемерное укрепление Вооруженных Сил, стоящих на страже мирного труда советского народа. В. И. Ленин, продолжатель его дела И. В. Сталин всегда призывали к усилению активной обороны нашей Родины, памяти, что агрессивные империалистические силы вынашивают планы разбойничьих нападений на страну социализма. Могущество Советского государства и дружественных нам государств народной демократии является важнейшим условием сохранения мира и безопасности народов.

В великом всенародном деле строительства коммунизма исключительную роль играют советские молодежь. Ленин и Сталин призывали молодежь упорно учиться, быть первыми среди первых строителей нового мира.

«Молодежь — наша будущность, наша надежда...» — говорил Сталин... Она должна донести наша зная до победного конца».

Ленинский коммунистический союз молодежи, начавшийся в своем развитии с 20 миллионов советских юношей и девушек,— это полноте великая сила, верный помощник партии в борьбе за выполнение грандиозных планов строительства. Вместе со всем народом, под руководством Коммунистической партии наша молодежь активно борется за дальнейший подъем хозяйства и культуры, за мир и дружбу между народами. — Энгельс — Ленин — Сталина освещают нам путь вперед, к полной победе коммунизма.

Б. СЕРГЕЕВ

В. ВЕЛИЧКО

ПОДВИГ ЮНОСТИ

Окончание. Начало см. «Смену» № 23

VI

На летучих собраниях комсомольцев и даже на партийных собраниях провозглашались имена Никандра Флорентьева и Вадима Трактористы, возвращаясь со смен, говорили: «Никандр поставил свечку!» И это означало, что Никандр и Вадим снова дали превосходную выработку.

И Никандр и Вадим приходили с поля, насних помывшись под душем в вагончике, валились на постель замертво. И только ученица Ирина могла разбудить их: девушка клала свою руку на щеку Никандра, и тот просыпался. Этой тайной никто не знал, даже Вадим, которого ставозвали с койки зарпосто... И опять они шли в степь к трактору.

Трудно было пережить эти дни, потому что они спали с ночами и над ними постоянно клубилось одинаково злое небо. Только один раз — в тот удивительный день первой бородачи — было солнце, а потом дождь и ветер валили бесостовочно, как из прорыва. Когда заглядывал на тракторы огни, степь напоминала море, по которому блуждают каньоны со светящимися точкой. И в это время на сигналах прищипочки замерзал лес, трактористы обморозивали руки.

Наларник Никандра танор Ноздра всежал. У Ноздры оказались последователи, и пришлось несколько тракторов перевести на одну смену, но с двумя прищипочками. Это прозвали как-то незаметно, будто давно ожидалось и было обычным. Только более молчаливыми стали трактористы и умоляли песни девушки. Обледневшие, окутанные белесой мглой вагончики, недавно напоминавшие музыкальные ящики, стояли в степи безмолвно, и лишь искры огня, вылетавшие из труб, выдавали в них жизнь.

А тем временем агатовые поля ширинились и смыкались, разливаясь по степи, как холодный металл. Они были черны, будто вороньего крыла, и не выдвигалось на них ни одной живой мышки, словно то была не земля, а мертлая лавина. Ходил по ним директор совхоза Емельяненко в сопровождении агронома и говорил:

— Это бегает, и надо выдержать: не сеять пока, пахать и пахать!

В кабине у Флорентьева директор сидел хохливившись в своем плаще, молчал.

— Знаете, как это все называется? — наконец спросил он, кланово голово унальшая вперед, на агатовое безбрежье.

Флорентьев молча пожал плечами.

— На собрании вы назвали это ходом резервов, а еще это и подлинно называется! — выкрикнул директор. — Колхозы куку, обогая план по целинам в три и четыре десятых раза, мы идем, обогая план в четыре и семь десятых раза. Ежедневно! Вы поняли?

Он хрипло смеялся, капляя простужено, и все выкрикивал:

— Пахать, пахать!..

В обобщенное время второй прищипки Флорентьева не пришел к слугам: оказалось, что и он сбегал еще на заре.

Повариха Поля накладывала Вадиму две порции и говорила:

— Чтоб съел и не пивнул у меня! За двоек тебе выжмаю; никто тебе мешать не будет; трески отхлести место.

— Вперед! — И Вадим добросовестно навалился на вторую порцию, не замечая, как помирчал его тракторист.

Бегству Ноздры Флорентьев втайне радовался: был человек, решительно не подходящий для серьезного дела. Но всемогущие прищипки обескуражило Флорентьева. Мог ли справиться теперь Вадим? Тракторист поглядывал на сына поэта, не скрывая тревоги. Когда повариха уехала со своими термосами, Флорентьев отперл кабину и приказал:

— Вадик, в кабину! Спать. В графике будет око в два часа.

Тот возмутился:

— Я на педине или на курорте?

— Спать! — рассердился Флорентьев.

Нехотя пошел Вадим в кабину, но заснул тут же, еще успев натануть полшубку на вост. Прикурив уоле трактора под свист ветра и сам Флорентьев. Его отдык был короток и тревожен: впервые на сонине виделся ему Урал, родной завод, дом... Флорентьев даже пороботал на стареньком станочке дади Михайла... Прикосновение чьей-то руки пробуждало Никандра.

— Неужели... гудея кто-то над ним... Сыра земля. Неужели! Это тебе не Урал:

там камень, в тело не проникает; тут земля, сразу проишет!

Чернобородый, свирепого вида человек смотрел на лицо Флорентьева, и по глаз гостя выглядывали бесения.

— Хо-хо-хо! — засмеялся он. — Не пугайся! Из дальнего колхоза я. Вашу вахоту смотрю — жуужат о ней все: беспримарная пахота, мол. Вот и смотрите. Колхозный председатель я.

Глаза его перестали искривляться и остановились, пытливые, испуганные.

— Падем, как все... смущился Никандр.

— Что тут можно сказать?

— А ты ничего и не говори, — согласился гость. — Я тебе, парень, буду говорить. Первый раз в жизни, Никандр Флорентьев, вижу, чтобы город мужичкам делом не потушился. Знаете, а? Когда мне говорил, мол, будет такое время, что родными братьями сойдется город и деревня и обнимутся, будто после долгой разлуки, не верил, смеялся. И вот вижу. Да, Никандр Петрович, в подвальные времена живем.

Распахнул лаский, крытый чертовой кожей тулупчик и раскинул руки, гость весь раскряхтелся, будто хотел лететь. И его жаркие слова были похожи на оршиный клевет:

— Из века в век просил человек у бога: «Дать нам, хлеб наш испущный даждь нам доешь!» Дай хлеба... на один день... только на один день. А больше и не просил. Вот и возрадулся, возвеселел, человек! Да тут сам заперт чертом стает, на вох кидаться начнет.

Гость крепко зажмурил глаза, тряхнул головой, словно сбрасывая нахлывший гнев.

— Ну, да ладно, пропала оно, прошлое! — сказал он затем, и голос его дрогнул. — А я ведь, Никандр, из Флорентьевых. Пахота пахотой, но и на тебя приехал посмотреть. Петр Егорич, твой батька, председателем у нас был. Его уставио там и живем, а тебе от колхозников поклон пришел.

От лица Никандра отягла кровь, и он чуть пошатнулся. Гость отгыл глаза в сторону и сказал:

— Я и есть самый Петярич Ульбышев, тот, что тебе имя дал. Твой крестный...

Раскаса Питярича Ульбышева был короток.

Кудам напали на Флорентьевых в степной паше зимней пуржистой ночью, когда Петр все свою жену Клавдию в больницу рожать. До последнего защищал жену Флорентьев. Клавдия еще жила и силится это сказать, когда розовыми подыскал к воротам дома. На груди и на плечах — проколотые пуговицы. Это и был Никандр. Обращивался на его платье и выдразнивал унылый кокет, что сам привез сына ко двору Питирима Улабишева по старой одиночной привычке.

VIII

Приближалась полночь, когда трактор вошел в последний гон; на нем и заканчивалась дневная графика, которая выдерживала изо дня в день Никандра и Вадима.

— Ну, молодец! — кричал Флорентьев притихнуто.

И тот отвечал:

— Это мне ничего. Вперед!

Вадим откнулся на сплужку сиденья и запел. Через некоторое время ему стало так хорошо и легко, что он уже не чувствовал тяжелого хода плуга, не слышал характерного хлупа испарываемой прощоршей земли; трактор словно бы вдруг улетался от него, и вдалеке слышалась обледеневшая букава. Что произошло потом, сразу трудно было разобраться. Флорентьев почувствовал, что трактор дрогнул и словно бы заглохнул. И в это время Вадим странно закричал. Он уже не в раскаты, а лежал на плугу и поодаль по борозде, она тащила его за руку и за ногу по пластам и трепала во все стороны.

...От вагонок было видно только, как по-ясу свет на флорентьевском тракторе.

— Ну вот сейчас и придет твой иланник, — говорил бригадир Тихомолов новому трактористу Ивану Агееву, что прибыл из другой бригады на помощь Флорентьеву. — Напарник твой не шумишь, но имей в виду: тягаться с ним трудно.

— Поди, научит! — улыбаясь Иван Агеев. — Да и мы, сибиряки, в долгу не останемся.

И он глянул на своего притихнувшего.

— Мы, сибиряки, от вечных целин, — бойко отговаривался притихнувший. — Значит, А Ноздря, — продолжал Тихомолов усмехнувшись, — это, как говорится, еще герой нашего времени, инеее определить: платно, а не человек. Вещь в татуировке, размыленная, как декорация, так, что и не платно, а декорация. Но как, было, сидит в одних трусах да зашевеливает сонный на койке, ну, чисто осминовый, спрут. И на харе у него — глаз не видно, один ноздри расширившие; так и втягивают все, что ни попадет. У Вадима вошлое, часам, фотопарат, костюм — все втянуло.

— Ишь, своата какал! — возмущался новый притихнувший и сплюнуло.

Двадцать вихристых голых вылезли из-под одеяла; мельтешили в вагончике красивые блики от пеньки, осевшая молодость, алого цвета заплывшие, сильные руки, сверкающие глаза. Кто-то яростно крикнул с сильным дагестанским выговором:

— Ноздря — подлец! Я не могу спокойно говорить о нем!

Горношерстный возник возле стола, за которым сидел бригадир.

— Слышныи, я заявляю... — голос дагестанца отяжелел, — заявляю: если появятся Ноздря, я его полую по трактор. И бюрократ, который после этого блудит и оскорбляет всех нас тутым... Да, оскорбил нас, комсомол и всю советскую молодежь... Я этого бюрократу ненавижу, объявляю тоже подлецом!

Вагончик загудел, как востервенный улей. В это время дверь распахнулась, от сильного толчка ногот и в вагончик поднялся сорбленный, черный от тракторной копоти и гора Флорентьев. На руках у него лежал сын поэта.

Вадим был без сознания и бредил:

— Сейчас я подую борозну... Вперед! Сейчас я подую борозну...

Это было горе. Не только подлость одного человека внесла его в юные сердца. Его внесли и те директоры заводов, что в своей холодности превозносили всякую меру и послали на пенсию несчастного деда такого людей, как Ноздря. Поняли эти директоры, какую совершили ошибку? Трудно сказать. Что же касается до жизни на целинах, то она шла своим чередом, лишь Никандр Флорентьев стал несколько мрачнее обыкновенного и с нетерпением

ждал Вадима из больницы: уже заканчивался сев, оставались последние гектары, и Никандру хотелось, чтобы Вадим хотя бы немного поработал на сельке.

Но вот был засеян последний гектар, и Флорентьевы уехали в больницу. Вадим не повзвизгал. Прихватив бутылку легкого вина, Никандр зашагал по дороге на Куауну.

Их встреча произошла в степи. Еще издали Флорентьев узнал размашистую фигуру Вадима. Он шаг, прихрамывая, и это чти-чужак.

Флорентьев встал на дороге.

Размашивая руками, как несладкое мотовило крыльями, Вадим бросился к другу. Крепкие объятия сказали им обном больше, чем слово; Никандр заплакал, слезы Вадима обожгли лицо. Но целин ушел, это были те слова, которые не пишутся и не произносятся...

Забыв о бутылке вина, что так и остался на обочине дороги, не выпуская руки Вадима из своей, Флорентьев зашагал в совхозе. — Рассказывал он своему притихнуто. — План выполнен на четверть семьдесят процентов. Тебя все ждуть.

— Никанша, — восторженно говорил Вадим, — мы с тобой никогда не расстанемся. Вперед и вперед!

Глище поднималось к полудню, началось припекать. И впервые, как показалось Флорентьеву, залепил над степью жароворник.

Поворот дороги, где Никандр встретил Вадима, был знаком, все он на сокосовские целины. Но целин уже не было. Всюду куда хватал глаз, безбрежным морем разливался нежный нузмурд всходов пшеницы. Можно было смотреть куда угодно, в любую сторону, и глаза вылезли лишь одно: зеленый ковер. Восток были розовые, дружные и необыкновенно смелые. Невеселый купол сиял над ними, смыкаясь с тем же разливом всходов. И было трудно угадать: лежала ли за гранью этого купола целина или и там, еще дальше, простиралась эти дивные целины.

Утром следующего дня Никандр и Вадим вместе с другими уехали на курсы комбайнеров и штурвалов для Флорентьеву. А в совхозе начали поднимать целину под пар.

IX

У лета соловьиные забавы.

Эта истина, выработанная особенностями крестьянского труда, оказалась вневременной для любого времени совхоза. На заводах они привыкли работать мерно — изо дня в день, из месяца в месяц, во все времена года. Черты человеческого характера, созданные таким трудом, сказались сразу же. Когда в работу сошлом, сказались сплоченностью и распашка целин замедлилась, по комсомольским бригадам прошла гневная буря; она достигла партийного собрания и угрожала: только тогда, когда тракторные бригады снова появились.

Емельяненко заметил себе:

— Вот он, город!

На собраниях коммунистов совхоза стояли разные вопросы, во множестве и в разной остроте. И все же коммунки же притягивали и всем им общность: была несказанно дорогой заводская культура труда. В ней обнуаживалась страсть к соревнованию, споконбствие в трудный момент, работа об отставании товарище и гордость читать лекции, какой-то особый талант видеть простое в любом сложном. И все это было прочное, врожденное.

Партийная организация совхоза была маленькая, еще не совсем сложившаяся, и она не могла сразу же поглотить, как говорится, окривит. Но с первых же дней она начала проявлять, как-то вынуживаться в самое главное — в молодое, бурлящие характеры. Александр Иванович Усов — председатель рабочего комитета, старший комбайнер, инициатор, пре- было самым желанным для молодежи. Емельяненко и Милослов сядили в кабинку к трактористам, и там оказалась самое подходящее место для разрешения партийной проблемы. Но на каждое из них долго поминилось из-за той горячей искренности, что жила в них. Одним словом, партийная организация сумела понять, что она идет на грешное несоблюдение бюрократии. И коммунисты совхоза поняли, что эта сила не исчезнет, что она будет перерождать

вместе с целиной и другое, еще более важное — понятия о сельскохозяйственном труде; подняет за собою широкие слои образованных людей города, технической интеллигенции; улевет за собою технику и культуру новейшей культуры, что составляет земледельческого труда не может не затронуть колхозную деревню.

И Усов говорил директору совхоза:

— Это, Емельян, весенний шум.

А Емельян Емельяненко вновь возвращался к своим мыслям. — Почему же этот совхоз? Центральная усадьба все расширялась; первая улица домов была уже почти готова, за другими улицами закладывались еще одна — двухэтажные дома; на самом краю строился «дворец культуры» Иван Агеев, перестраивший отца из Нюновской области. Жизнь сгустилась именно на центральной усадьбе. Не оказывалось решительно никакой нужды строить жилье на участках. Там попрелему путешествием вагончик: они появлялись то в одном, то в другом месте, которое оказывалось наиболее подходящим и удобным для работы.

Строить жилье на участках или не строить? Стоило спорить об этом, как удавленные голоса отвечали:

— Зачем? Кто там будет жить?

И действительно, живо вставали перед Емельяненко непритные участкие усадьбы его прежнего совхоза: зима, кругом голая степь; заветный сором дома, без радио, без электростать; живут люди в заброшенности. А что они делают... но добавляют зиму одиночества? Стерегут они...

— Нет, мы так жить не будем. И к тому ли мы идем? — Ирина даже зарделась от испуга.

Разговор шел возле фундамента нового дома, который закладывал Михаил Тимошенко. Ирина пришла с участка посмотреть, как строится усадьба; оказались тут люди и с другими мыслями. Центральная усадьба притягивала, хотя они по ней и не тосковали: после дымного города степь не переставала очаровывать.

— А как вы мыслите усадьбу? — допытывался Емельяненко. — Ну вот вы, Павлов, коммунист, серьезный человек?

— Я вижу нашу усадьбу, — отвечал тракторист Леонид Павлов, — культурным центром. И условия на ней должны быть близкими к городским. Конечно, не сразу! — Он указал на секретаря комсомольского секретаря с четвертого участка, распланировала в точности:

— Клуб, библиотека, читальня... Тут и агробиологический кабинет, где можно заниматься, светлые мастерские. И, конечно, парк, а не мраморный. Мы, Емельян Иванович, каждый день перед своим планником. Что делает сельскохозяйственный институт и учебным агрономом в городах? Они должны быть здесь — возле нас и колхозов. Вот тогда и пойдет дело. А планция ведь нас не страшат, как мы знаете.

И тут все глаза обратились к строителю Михаилу Тимошенко.

— Это все можно, — отвечал он после некоторого размышления. — Важно, чтобы строить нарек: А теперь не надо строить, а надо комсомолу! Именно вечная постройка ведь не нужна. Материальную заинтересованность тут надо найти. У колхозника она — трудовая. А у нас, городских сельтеей, где она обнаруживается? — Михалка поднял на директора свои чистые, как утробы, глаза и улыбаясь, говорил: — Тут я могу, пожалуй, выразить неуверенное... Но выражу... У нас материальная заинтересованность — вот в этих домах, улицах, в читальном зале, в биологическом кабинете, в светлых мастерских. Поимам, Емельян Иванович? Нам никакой собственности, никакого запаса и дырку не надо, и длинный рубль нами тоже не управляет.

— Ты, Миша, чистый философ! — позвала Ирина.

А директор сидел строго молчаливым. Первые же слышал, чтобы так просто и ясно было сказано слово о вещах, которым посвящались целине княи.

В стороне от беседующих на уголке фундамента сидел отец Ивана Агеева Константин Ефимович. Он молчал, но слышал, что Емельяненко поднялся, чтобы идти, Константин Ефимович

молви перехватил его и потянул к своей стroyке.

— Вот смотри,— говорил он, показывая сруб дома и все поместье.— Вхожу в целину с корнем! Тут будет крыльцо для меня и для старухи; тут — другой крыльцо, для Ивана; там — соборная кузница и пачочай отесанный народ в твоих руках, цены не сыскать. Не выдался я такою! И заметь главное: окоренить его! Окоренить! Да если такое счастье за землю зацепится,— весь свет засыплет зерном. Стройка так, как она тоится, и правительству их слова доложу. Ух, охоченцы! Я, когда этого уминцу Миштку слушал, омерзев прямо, ажно меня мороз по коже драг... Окоренить! Ух, слышал!

Агеев усидел директора на бревно, сам пришел возле и объявил:

— А ведь я тебя, Емельян Иванович, по другому делу призвал. Послушай! — Агеев положил руку на колено Емельяночу, заговорил тихо, убедительно.— Необозначенный народ в твоих руках, цены не сыскать. Не выдался я такою! И заметь главное: окоренить его! Окоренить! Да если такое счастье за землю зацепится,— весь свет засыплет зерном. Стройка так, как она тоится, и правительству их слова доложу. Ух, охоченцы! Я, когда этого уминцу Миштку слушал, омерзев прямо, ажно меня мороз по коже драг... Окоренить! Ух, слышал!

Агеев умолк.
Издали слышался монотонный и мерный стук молотка по камню.

X

Сибирь знала три великих урожая на Алтай: 1868, 1919 и 1938 годов.

Урожай 1868 года был настолько велик, что многие годы прирост этого урожая впитал над Челябинским хлебным таможенным барьером, как бы возмещая грядущую катастрофу попоманьскому благополучию.

Необозначенный барьер для хлеба в Челябинске был установлен царским правительством затем, чтобы задержать сибирскую пшеницу и не пустить ее в Центральную Россию. Так отражались интересы русских помещиков и крупные фирмы Ревеля, Либавы, Риги, Одессы, выступавших с русской пшеницей на мировом рынке. Россия голодала, а в Челябинском барьере, как у мертвой платины бурлящие воды, пучился сибирский хлеб и не находил выхода к народу. Пшеница Алтай утравляла сокрупшты свирепый барьер, и урожай 1868 года постоянно напоминал об этом.

Урожай 1919 года превзошел урожай 1868 года.

Урожай 1938 года оставался позади все предшествующие великие урожаи. То была историческая победа. В том году кузундские пшеницы, выйдя на мировой рынок, прочно заняли там второе место вслед за пшеницами Закавказья, занимавшими первое место.

Все это было известно многим «городским селянам» еще в первые недели по приезде в Кузунду, когда только вышли в степь — в палаты и вагончики — строить усадьбы зернохозяев. Мечты о будущем урожае не то что тогда занимали все время у молодых людей, но иногда покою не давали.

Каким будет нынешний урожай, в год великого наступления на целину? Ура! Да холоду, у камня, задумялась Ирина, беспричинно толкала Михаила Тимошеню в спину и сердилась:

— Хоть бы перестал ты стучать!
— Да как же это у меня? — удивлялся тот.
— Ну, перестань, хоть на минутку! — Ее бошлике, как у оленя, и обычно даже в смешливости покойные глаза выражали теперь явную тревогу.— Миша, скажи мне...— говорила она,— неужели я такая нудкашная, что у меня есть только готовый хлеб, а вырастить его не умею?

Ирине было семнадцать лет, и ее свиданье не уходило еще дальше парты десятого класса, который она закончила слишком рано. Ее отец — московский инструментальщик — распустил, что и слышно и прочувствовано ее дочери куда полнее, нежели асфальт и дым Шаболовки. И это оправдалось: Ирина окрепла в степи, похорошела и выпрямилась, как стебель, набравший силу.

Все время она проводила в поле — должна была замерять каждую выду целины, затем пахоты, затем посевою; она знала число кузунков, что вошли на каждом квадратном метре, затем — число колосьев, что появились

из трубок стеблей. И она же точно знала, здоровы ли колосья, сколько в них зерно. Это был целый мир, в котором девушка видела множество жизненных историй: на том поле произошло то-то, а на том — другое. Не тракторы, а люди чертили на этих полях свои писемна, и она их читала, как захватывающую книгу.

Хлеб уже зрел. На участки начали вывозить комбайны и выстраивать их рядами за вагончиками; поджидали и самих комбайнеров. По железной дороге, что перерезала Кузунду, поезда извезены с уборочными машинами. Шли они днем и ночь, почти друг за другом. И в этом движении было что-то необыкновенное. Так шли извезены с танками и пушками с Урала на фронт во время войны.

Навигалось что-то большое и необъясное...

Комбайнер Кузундских зернохозяев вернувшись с курсов за несколько дней до начала уборки хлеба. Их ожидали машинным совсем новым, требовалось только их отрегулировать. С часу на час должны были прибыть комбайнеры-мастера с Юга. В их задачу входило ставить шефами молодых комбайнеров, вместе с ними провести всю уборку и таким путем передать «городским селянам» свой богатейший опыт. На участок Флорентьева стали мастера из знаменитого совхоза «Гигант» — люди, работающие на комбайнах еще в те времена, когда их подшефные не было и на свете.

Никандр задержался во Флорентьевке: там тоже был новый целинный зернохозяев, и Флорентьеву было поручено досконально изучить тамошние так называемые «уборочные магистрали» — схему нарезки уборочных площадей для комбайнов и путей подхода к ним разгрузочных автомашин, безаварийщиков и повозок с пшени. Карты магистралей наконец были в кармане у Флорентьева, и он направился домой.

Со станции Кузунды он отправил чемодан на попутной машине, а сам пошел пешком с небольшим свертком в руках, благо позанний вечер был хорош.

С большим доверием Флорентьев повернул в том самом месте, где некогда пронизала его встреча с Вадимом. И сразу же он оказался среди хлебов, окружающих его со всех сторон и уходящих за горизонт. Это были чудо-хлебы! Ни одной исторической вылиньки не виднелось в них, не ловил пытаный взгляд досадных пустот, дышек и лиловых. Флорентьев развлекся, густую пшеницу и видел пону, ровную, плытающую и чистую, будто паркет. Нельзя сказать, чтобы пшеницы были слишком высоки — они доходили Никандру до гру-

ди,— но какое было колос! Он пружинисто гнул стебель тяжестью зерна. И если Хаспа гит-гаспа жемса золота шевелелась и покачивалась. Незримо возникала в ее пучине волна и каталась, исчезая влады так же незримо, догоняемая новой волной. Крутом шестелела, наивысшая, чуть-чуть позавалива.

Давно уже Флорентьев бросил дорогу и шел по хлебам, высматривая, как они стоят, куда клонится их колоса, примериваясь, как лучше будет заходить комбайну. Так, незаметно, они вошли в те поля, которые так и слыла сам. Ни ничем не отличались, только являющаяся лесопосадка, — видневшаяся вдали, напоминала ему, что именно здесь он вместе с Вадимом прокладывая первую борозду на целине.

Кто-то стоял там, у лесопосадки, и махал платком Флорентьеву. Нетрудно было узнать Ирину.

XI

— Иринушка! Что ты тут делаешь? — удивился Никандр.

— Жду тебя,— отвечала девушка.

Она была одета в легкое голубоватое платье, на котором казалась обаянием улыбка Флорентьева и то, что крохотные, будто горя, вельчики на являющ уже зарумянились, что колыбель на протье между хлебами и лесопосадкой был высок и шелестял.

Ирине выдал сверточек Флорентьева и, замедлив шаг, начала рассказывать новости:

— Приехали мастера Юга. Вот мастера! Еще на «Оливьер» работали. Командо, наши ребята надудили было. Особенно Николай Дуванов; как же, озорничал! «Мне не доверят!» Я такие хлеба вырастил! Не переживу!

— Экая глупость, недомыслие! — огорчился Никандр.

— Мастер селой — продолжала Ирина, — и говорит мне: «Слынок, я прислал правительством, чтобы все огонь взять на себя, а ты вынеш бы к победе рядом со мной зерно и озеросек». Ну, Коленька наш сразу же осекся!

— Мастера Юга будут рядом с нами на мостике! Это же — редкое счастье,— сказала Флорентьев.

Ирина шла дальше:

— Вас четыре свадбы было: Фролова стала Машей, Ковалев — Габриэлем. Боро комсомольской организации мы целиком переизбрали... На центральный усадьбе появились стадо коров, теперь все молоко... Мирю поносят у нас огурки и картошка... Сила Ткаченко перешел в аэроклуб, уезжает. А комрат нас овощными концентратами — вот гадость! И чудок нет; у, а триюк вовсе не бывает... Наши футбольные команды ездил в совхоз «Алтай» и в Кузунду; пропустили два гола, а забил один — капитан Ахмет Хаснутдин вывел из себя, а к ночи у него был жар. Начали записывать в вечерние школы, отправляю документы на заочники; наш папаша Александр Иванович Усов старается... В общем, Никандр, все пережил и замечательно хорошо, мы и везде на Алтай превозили урожай тридцать восьмого года!

Запас новостей у Ирины не иссяк. Молодые люди шли, болтая о том, что могло случиться с каждой стороной вздором, во было дорого их сердить.

— А в этом усадьке у тебя что? — спросила Ирина о свертке.

Флорентьев потемнел.

— Так... Отправил у грузую, — шапка моего отца... Гигантский Ульбинцев нашел ее в саян... тогда. И сокранил.

— Господи! — прошептала Ирина.

Темное небо начало мрачнеть. С запада надвигалась «чужакая черная туча и пошла над землей, широко раскинула свои крылья, свешиваясь по краям. Надвигались гроза. Хлеба перестали шевелиться и шуршать, улеглась на них волна, и лишь еле приметно пробегала тень трепетая ряби. У колодезь, был установлен громадный, густую пшеницу, и они пугливо смотрели на тучу, но выходить из чащи не решились. Наконец одна из них промелькнула, как стрела, и сразу же оглушительно ударила.

Небо расколосило странно, по всему своду, как громада синего храма. Во все стороны с грохотом повалились воображаемые стемы,

рушились колонами, летели по небу бесформенные глыбы, озаренные огнем. Гром проносился, приводилась земля, толкал ее кулаки в сторону и мчался далеко. Он затыл где-то далеко. А на другой стороне и тоже где-то далеко зажглась печальная, крошечная молчания зарница. И оказалось, что небо поперемому цело и невидимо. Огонь молнии разрывался только на мгновение. Он затыл где-то. Он открылся на какое-то мгновение хлеба. И они были столь беднейшими в это мгновение, что казалось, сама земля поднимала их к небу, к яростной стихии, чтобы обрести они в ней еще большую силу.

Все жители вагончика толпились у открытых дверей и окон, авороженные живым видением. Кто-то восторженно сказал: — Этот хлебом мы войну во Вьетнаме привели! Хлеб мира!

— Тынешь рушится на поля, яснов свивается в водной жут, когда была молния. И тогда пронеслся по хледам ясно уловимый гул ветра. В ослепительном флюидом озарении видно было, как возникла мертвая, ледяная стена на западе.

И все вагончик ахнул:

— Град!

Но мертвая стена была слишком далеко и, возникнув в той дали, там же и рассыпалась. Ясно последние мгновения.

— Выходите все! Сюда! Сюда!

Все население участка бежало к вагончику, где жили семейные. Под грохот и ливнем толпились люди у входа и кричали:

— Что?

— Как назавтра?

Молодая женщина появилась в дверях вагончика и объявила:

— Дочь... Галочка!

Потом она вынесла нечто белое, закутанное. И она оглянувшись закричала... Что-то арестовало в сердце Никандра Флорентьева. Она даже потянулась, и его рука поймала руку Ирины. Ни в чем не отдавая себе отчета, он прижал ее к себе. Никто этого не видел. Жизнь участка жила в этот момент в своем вагончике. А в вагончике, где жил Флорентьев, уже шел раскаленный разговор: Вадим держал в руках шапку отца Никандра Флорентьева, а трактористы и комбайнеры, окружив Вадима, рассматривали эту шапку. Она была из простой овчины, покрыта кожей; по лобовине ее шел рубец — след кулацкого топора, зашитый чьей-то заботливой рукой.

Рассказывал Вадим, что эту шапку Петру Флорентьеву выдал еще руководитель путников, которые первыми поднимали цепочку земли на Алтае.

— Да... — сказал кто-то, — хороши у нас отцы... Да какими мы окажемся?

— А что же? — возразил Вадим — Вперед и выше, как сказал Максим Горький!

Стенная гроза уходила на запад.

XII

Всякая жизнь, как бы она ни была нова, есть продолжение и развитие предшествовавшей несформированной; и в этом состоит тайна юности мира.

К таким мыслям приходил Никандр после возвращения из Флорентьевки. Он был в той пазе, где погиб его отец, и родился в санях от, обожженный от топора смелым отцом... Ходил Никандр на дороге молчаливо. Времени учения на курсах молодой Флорентьев прожил в доме, где умерла его мать, а он, ее сын, прожил первые месяцы своей жизни. Дом Питирим Ульябичева все еще хранил на себе следы и шрамы прошлого бремена. Да и что могло быть из того, если бы и не успел этого сделать? Никандр Флорентьев смотрел на жизнь несколько по-другому: не-обыкновенное раздражение горючего перед ним делало его в собственных глазах каким-то маленьким и даже шитожидом; ему казалось,

что он еще решительно ничего не сделал и не может оставить свою жизнь рядом с чьей-то жизнью, чтобы соединить их навеки. Это был, конечно, ошибка, заблуждение чистой и здоровой юности, ее естральности.

Так же он смотрел и на хлеба — творение своих рук, хотя это творение было грандиозно. Шеф дядя Петья — мастер из «Гиганты» — сердито ершил свою седую стриженую бороду и шикал на Флорентьева, когда тот говорил, что урожай можно было сделать больше.

— Какую ты вешешу говоришь! То на тебе! Де и таких хлебов во сие не выдала. В Америке был — первые комбайны оттуда провозжал; Италию прихватил — через Габрлатт мы везли те дрянные «Оливеры» в Турцию был. Уже досток лет, как в Сибирь на уборочные езжу. Нигде и никогда такого хлеба не встречал. Сокровище! — И дядя Петья толкал Флорентьева в спину. — Иди да гляди: ни зернышка на пол!

Вадиму он кричал:

— А ты не робей! Что такое штурвалный? Он есть штурман стеного корабля. Как достичь ему настоящего образа? На мостке стонешь — смотри не в небо и не на трактор, а на хедер: он твой черт и твой угодник, держи его в узде. Саушай не переломок, а ход комбайна. Метрай не о девах, а помни о трех заповедах: первая — центеры, вторая — гектары, третья — дьякая стерна. Понял? Мобилизуясь, одним словом. Ешь больше, спи в копне, вставай утром. Тут всего-то две недели и надо выдержать.

В первые дни уборки стало известно, что правильно решили водить не тридцатку, а тридцать миллионов гектаров целинных и залежных земель. И Никандр Флорентьев понял, что этот великий урожай — лишь только зыбца грядущего, что истинные масштабы топора грядущего хотя и угаданы уже и ошутимы, но еще находятся впереди, что они где-то за зримым пшеничным дальним, смыкающимся с горизонтом. Все открылось и распахнулось в сердце Флорентьева.

Во второй уборочной неделе начали ходить

по стеному горизонту туши; ногами то в одной стороне, то в другой жидко небо отдалялись зарницы. Надвигавшаяся некогда подползала Никандра Флорентьева, и он перешел на кругосуютную работу без дополнительных людей. Это оказалось трудным делом: Никандр подменял Ивана Агеева на время короткого сна, Вадим — Никандра; новый график требовал выносливости. И все могло сорваться из-за Вадима, не отличавшегося крепостью здоровья. Но опасения были напрасны: сын дяди вошел в новый график довольно легко.

Комбайн начал ходить круглые сутки.

Когда перестали дожди, есьея аргетга спал «мертвую», чтобы затем снова бесостановочно двигать свои громадные, медленные машины вперед и кружить по золотому необъятно хлебов... Приходил к флорентьевскому комбайну дядя Петья; молча, критически наблюдал. Вооружившись очками, низко пригнувшись, шеф осматривал флорентьевскую стерню пядь за пядью, затем шел к копнам соломы, шевелил их и снова осматривал землю. Иван Агеев показывал Никандру на шефа и поднимал палец кверху: мол, все хорошо, потерь нет!..

Было раннее, свежее утро.

Проезжая мимо копна, в одной из которых спал Вадим, Никандр сыграл гулаком комбайна походу. Обыкновенно штурвалный насканивал на копны исполнение, как запл. А на этот раз Вадим появился не сразу и выскочил совсем с другой стороны. Он прибежал к комбайну замкнутым, на мостке еле стоял, рассказывая Никандру:

— Потери у вас!.. Вся ночь зерном стерна селили! Ну, конечно же! Смотря, дядя Петья комисию из района звал; смотри, Дюкандра! Страшные потери — пригоршнями!

Флорентьев конулся с мостка смотреть стерню; подал на коленях, впадался галками в землю. Никаких зерен не обнаружилось, стерна была чистая, чистая, ровная. Тогда штурвалный хлопнул себя по лбу и сооривал, что те страшные потери он видел во сие, оттого прокудился весь и испарине, исполненный свехи меря, и пожелал было к соседу комбайну Виктора Запцева.

— Ну, пусть так: видел во сне, — оправдывался Вадим. — А что же дядя Петя там докладывает?

Действительно, впереди, у бочки с водой, стоял дядя Петя и что-то энергично объяснял незнакомым людям, время от времени нагибаясь к стерне и как бы доглядывая ее рукой. Потом он указал на флорентьевской комбайн. Флорентьев присмотрелся к незнакомым людям и ахнул: с шефом разговаривали дядя Михаил и тетя Павла. Это были они. Никандр заврешил им, протянул за плечи, замыкал шайку. Высушившись из кабинета, Иван Агеев тоже закричал и включил третью скорость.

Широким, решительным шагом двигался на встречу комбайну дядя Михаил; подбегая, хватаясь за сердце, еще поспевала за ним грузная тетя Павла, звала:

— Никандрешка!

Никандр сорвал с головы шапку и подставил ее под ручей пшеницы, лившейся в бункер. И тут же шапка вывалилась до краев черновым эластом. Когда комбайн остановился, молодые мастера бросились к гостям. Никандр бережно нес дорогую шапку, и лицо его, охваченное радостью, было замечательно кроткое, простое до торжественности.

— Дети вы наши! Герои! — приветствовал расстроганный дядя Михаил, принимая шапку и целуя молодых мастеров каждого по очереди. — Ведь победа-то, победа какая!

— Это, дядя Миша, мы сработали! — убеждал Вадим. — Честное слово, мы! Тут дело было подвода...

— Верим, верим! — тоже убеждал дядя Михаил. — Весь мир знает и верит... Вы только скажите: хватит ли силы у вас на все тридцать миллионов гектаров? Скажите правду.

— Хватит! — зычно отозвался Иван Агеев.

— А на шестьдесят миллионов? Флорентьев кивнул головой. Вадим подтвердил:

— Найдетс! Ведь у нас, дядя Миша, чудейная сила есть, смотрите: шапка двадцатипятилетка, вашего брата Петра Егорыча! Дядя Миша глазами не верил. Действительно, зерно, которое он принял от молодых мастеров, было насыпано в знакомую шапку. Тетя Павла так сильно вскрикнула, и у нее зашло сердце. Прижимая к груди заплаканные, невообразимо чумазые головы, она только всхлипывала и не могла вымолвить ни одного слова.

Кулудринский аэроооооооо,
20 сентября 1954 г.

Родные мои тетя Павла и дядя Миша!

Вчера мы закончили страду. Урожай убрал. Вы оцените такое произведение, потому что сами видели, какой это был хлеб-блиц! А сейчас наша степь живет двумя жезлами: одна — тихая и умеротворенная, это там, где убрал урожай; другая — попрежнему свирепая, это там, где поднимает ветну под зобом. Закончил уборку и флорентьевский колхоз. Питирим Изотович Ульяновцев пишет мне, что за хлеб, славный и проданный государству с ценой, колхоз «Память Ленина» выручил 2 миллиона 900 тысяч рублей.

Разделите подискофовать на этот счет. Якобичев Сен-Жюст сказал, что хлеб — свяшенное право народа. Припомню эти слова и, пользуясь правом сетялей хлеба всенародного, всеобщего, замечу: умно сказать о хлебе, даже выстрадать слово его святого значения еще не означает положить кусок хлеба в руку человека. Скажали якобичи о хлебе волнующе красиво, а у нас получается все же красивее!

Философствую я потому, что уже начал занятия по университетской программе... Укажут-то всю мою библиотеку в нищину и как можно скорее присылайте.

Иван, Вадик и Иривочка шлют вам горячие приветы.

Обнимаю вас.
Никандр Флорентьев.

Дядя Миша! Неужели вы в самом деле демонстрировали на собрании завода шапку моего отца и нашу пшеницу в ней? Прочитав об этом в вашем письме, я не спал всю ночь

Иван НЕХОДА

Рисун Н. Калиты.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

Снежок сверкает, кружится
Над Киевом опать,
И хочет ветер дружески
Прохожего обнять.

Вы улицею Ленина
Иду, прогулке рад.
Во всех витринах зелено:
Там елки стали в ряд.

Метель закуролесила,
Зима взялась всерьез!
Подмигивает весело
С витрины дед Мороз.

Машины плавно катятся,
Я ускоряю шаг
И в углу Крещатика
Вхожу в универсам.

Тут под огнями яркими
Поток людской течет.
С гостинцами, с подарками
Встречаем Новый год.

Чтоб в нашей светлой комнате
Запахло, как в лесу,

Я тоже съел огромную
Дочурке принесу.

Обновки новогоние
И пестрые шары.
И нашей милой Родине
Особые дары:

Звезды, зная светаме,
Целыйный урожай.
Расти, цветы, несметные
Богатства умножай!

Над скверами, над парками
Созвездья в синеве —
И в Киеве, и в Харькове,
И в праздничной Москве.

Все снегом заперешено.
К столу! Уж близок час.
Друзья, с зимой хорошею
И с Новым годом вас!

Перевел с украинского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Геннадий ДЕМЕНЧУК

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

РОДНОМУ ГОРОДУ

Нынче, после долгих лет разлуки,
На свою вернусь сторону.
Улицы свои, как будто руки,
Город мне навстречу протяну.
Обеща я все его дороги:
Всюду стройки—сколько славных дел.
Я вернусь, постарев немного,
Город мой, а ты помолодел.

ПРОДАВЩИЦА ГАЗЕТ

Дома и асфальт в подснежном снегу —
Иду на работу в рассветном.
И как ни спешил бы я, все ж забегу
В киоск купить газету,
— Какую вам?
— «Правду»!
— А мне дайте «Труд»!
— «Известия», гражданская, нету?..
И девичьи руки на вьюжном ветру
Проворно вручают газеты.
И каждый сейчас же свою развернет,

Глазами статьи пробегают.

Снежинка блеснет и на лист упадет,
Как будто от строк этих тает.
И смотрю на девичьи руки—они
Подвижны зымою, как атом...
А может быть, теплым дыханием
страны

Их согревают газеты?

СТРОИТЕЛИ

Впервые в окнах вспыхнули огни.
Недавно лишь остероженного дома.
Старик и юноша—строители они—
Стояли во дворе, давно знакомом.
Им вспоминалось время тяжелых бед,
Домов разбитых каменные труды...
Теперь же в окнах виден яркий свет
И уходит не хочется отсюда.
Старик сказал: — Чего, сынок, стоишь?
Пусяк твой вспомни, поминут добрым словом!
А нам с тобою—вечно строить снова...
И родисто обним было им.

Норильск,
Таймырского округа.

фото М. Хухтарева.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады Людвиг Климентов тщательно проветривает сети перед спуском их в воду.

НА СЕВЕРНОЙ ПУТИНЕ

Беспокойно осеннее Баренцево море. Ледяной ветер поднимает высокие волны. Время от времени налетает дождь, перемежая со снегом. Тяжел и опасен труд рыбаков, уходящих далеко в море в поисках косяков сельди.

Траулер «Комсомолец» — обыкновенное рыбацкое судно. Его команда — опытные моряки, молодежь, комсомолцы — широко известна на Севере своим мужеством, умением в трудных условиях, при любой погоде добывать богатые уловы рыбы. Лучшая вахта траулера — комсомольско-молодежная. Руководит ею второй штурман, секретарь комсомольской организации Геннадий Алексеев.

Моряки никогда не чувствуют

себя оторванными от Родины. Они ежедневно слушают радиопередачи с «Большой земли». В каждый рейс корабельный механик берет по заказу команды три кинокартины. На корабле есть агиткодективы, выходят бюллетени и стенная газета «Комсомолец».

Летчик разведывательной авиации сообщил по радио координаты замеченного скопления рыбы. Траулер, набирая скорость, следует по заданному курсу.

На корабле все приходит в движение: один готовит к спуску орудия лова, другие занимают свои места за раздельным столом. Каждый находится в полной готовности.

Навонец показался косяк. С криком носятся над морем чайки, то

и дело выхватывая из воды претящую рыбу. Кажется, что вода кипит,— столько в ней поблескивает серебристой сельдью.

На траулере объявлен борт. Лов идет сразу на два борта. На уборку и разделку становится все свободнее от вахты когарчи, машинисты, обслуживающий персонал. Вскоре палуба покрывается горами претящую, сверкающего серебра — тоннами, десятками тонн рыбы.

Самое трудное дело — это разделка. И тут отделяется комсомольская вахта. Комсомолец Клавдий Соловьев, например, разделяет в минуту шестнадцать рыб вместо восьми, положенных по норме. Он охотно передает свой опыт другим.

Траулер «Комсомолец», как правило, возвращается в порт с большим уловом, значительно перевыполнив план. Издалека видны яркие флаги расчленения: это значит, что команда траулера одержала новую трудовую победу.

Из рыбы, выловленной траулером «Комсомолец», на Мурманском рыбокомбинате приготавливают вкусные консервы.

В ВЫСОКИХ ШИРОТАХ АРКТИКИ

«Северный полюс» — «Северный полюс» — «Северный полюс» — с такими необычными адресами принимается в любую погоду в отдаленные. В расписании полярной авиации включены регулярные рейсы в эти пункты: самолеты, летящие из Москвы на Север, доставляют туда же гостей с «Большой земли», грузы, почту. С незапамятных времен стремились в эти районы тайны крайних северных широт. Бесчисленные жертвы платили они за попытку проникнуть на ледяные просторы Арктики. И все же долгие времена северные полярные районы оставались на карте белым пятном. Решением исторически заданного поручения Арктику оказалось по плечу только советскому народу, стране социализма.

Города и порты, входы и шхеры вырастают на недавно еще пустынных побережьях и островах. Ежегодно на Баренцево море в Тихий океан вдоль побережья Сибири ходят корабли под алым флагом. Северный морской путь стал неотъемлемой частью нашего арктического хозяйства.

Чтобы уверенно планировать перевозки в северных морях, чтобы предсказывать погоду над территорией страны, необходимо изучать законы движения льда и атмосферные явления в Центральном арктическом бассейне.

Продолжая работы, начатые еще в довоенные годы, Главсевморпуть и Академия наук СССР провели весной 1954 года экспедицию высокоширотную воздушную экспедицию.

На дрейфующий лед были высажены две научные станции. Они получили названия «Северный полюс-2» и «Северный полюс-3», так как являлись продолжением исследований дрейфующих станций «Северный полюс-1» и «Северный полюс-2», которые работали в 1937—1938 и 1950—1951 годах.

Для больших коллективов ученых располагались на льду океана со всеми удобствами, доступными в походном быту. Полярники живут в утепленных палатках и передвижных разборных домиках, отапливаемых углем и газом, освещаемых электричеством и связанных друг с другом телефонно.

Чтобы перевозить грузы, на станциях имеются автомобили, автозакорды, тракторы, вертолеты. В Арктике особенно удобны вертолеты.

Вот уже около восьми месяцев продолжается дрейф этих станций в океане. Это время очень много. В глубоких океана обнаружен мощный хребет, простирающийся от Новосибирских островов через район полюса в сторону Гренландии и Канадского арктического архипелага. Хребет назван именем великого русского ученого М. В. Ломоносова. Открытие его уточняет знания о глубинах и формах океанского дна, о характере течений и дрейфа льда. Открытие и исследована сильнейшая в северной полушарии полярная ветровая зона, которые раньше считались лишними органической жизнью, найдены новые существа.

В тяжелых условиях приходится работать нашим полярным исследователям. Сейчас в северных полярных широтах на смену незаходящему солнцу пришла тьма долгой полярной ночи. Не раз происходили сильнейшие смятия, передвижки льда.

Но как ни сурова стихия полярной зимы, ничто не мешает дователям Арктики. Попериную регулярно уходит под лед тросы лебедок, машущая на ирригационной гонимой на неровности океана; попериную в затнутое темными облаками небо заглядывают серебристые шары радиозондов; попериную уверенно звучит в эфире плавные дрейфующих радиостанций.

Быстро разделяет рыбу комсомольско-молодежная бригада.

В лагере дрейфующей станции «СП-3». На снимках: вверху — на метеорологической площадке; слева — аэрологи наблюдают за состоянием атмосферы; справа — метеоролог А. Д. Малков ведет наблюдения за солнечной радиацией.

Недавно в Москве, в залах Академии художеств СССР, была устроена очередная традиционная выставка дипломных работ выпускников художественных вузов страны. Она отличалась содержательностью, большим тематическим разнообразием. Во всех жанрах: в живописи, скульптуре и графике — молодые художники продемонстрировали умение владеть материалом, создавать верные, убедительные образы для показа нашей действительности. Немало произведений, представленных на выставке, обратило на себя внимание лодными мастерством, свежестью.

На этой выставке мы воспроизводим две работы выпускников Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина: «Дожер» Бориса Пака и «Вода идет» Владимира Токарева. Обе картины отмечены на экзаменах высшей оценкой — «отлично».

БЛАГИЕ НА МЕРЕЦА

Еще не выехали мостовые после короткого осеннего дождя, еще не прояснилась небо, а на улицах, в метро, на платформах пригородных поездов давно уже много и шумно. В эти утренние часы всюду много молодежи, особенно много студентов, которые любят совершать ежедневный путь на одиннадцатую, непременно всей компанией. То ли встретились по условью на перекрестке, то ли вышли одновременно из ворот общежития, то ли сели в 8.00, как согласились, в третий от конца вагон, — но уж так заведомо: непременно вместе, группой, чуть ли не целым курсом.

И каждый раз, встречая их утром, столь заметных в людском потоке, думаешь с оттенком горькой зависти: «Счастливые студенческие годы...»

Де, годы истинные счастливые!

Счастливые потому, что твоя детская и школьная мечта — стать агроном, агрономом, агрономом, мечта расти сады и леса, учить детей, строить новый город — приобретает реальные очертания. Тебе дано право учиться, только учиться в течение четырех, пяти, шести лет! Счастливые потому, что в юности гораздо легче избавиться от таких «опасных спутников», как вредные, эгоизм, безволие. Счастливые потому, что именно в эту пору особенно крепко, на всю жизнь, можно воспитать в себе наиболее ценные качества советского человека, обрести выдержку, упорство, умение трудиться. Недаром говорят садоводы, что к прививкам наиболее восприимчиво молодое дерево.

И как обидно, что у какой-то части студентов много часов, дней, месяцев проходит без пользы, вне перспектив будущей профессии. Отсидеть положенные часы в аудитории, на лекциях пролистать чужие конспекты, прочитать «в ускоренном темпе» книги накануне зачета — как беда, бессодержательная жизнь этих «формальных» студентов, постепенно привыкающих довольствоваться минимумом, делать все кое-как!

Но не о них, о молодежи утративших лучшие черты молодости, будет идти речь. Хочется поговорить о людях способных, неглупых и честных, о людях с хорошими задатками и большими мечтами, о тех, кому безволие, неуверенность доводить дело до конца мешают полностью развернуть свои силы, проявить свои способности и таланты, осуществить свои мечты.

Прошлой осенью на первый курс одного из московских вузов был принят молодой человек двадцати двух лет. Принят в числе пятидесяти, прошедших огромный конкурс. Он набрал 25 очков из 25. Юноша не был положен на усердного школьника, который добросовестно выучил и пересказал учебник. Напротив, экзаменаторы с чувством удовлетворения и даже некоторой гордости отметили самостоятельность, зрелые и, не побоимся сказать, талантливые ответы поступающего.

Так началась студенческая жизнь Алексея Колоколова. Высокий, худой, очень смуглый, на занятиях он являлся в куртке с кармашками, набитыми карандашами, блокнотами и кусочками розового камня, привезенного откуда-то с Амура. Исходя из геологич. усердия геолога, Колоколов мечтал написать книгу о тех местах. Он горячо рассказывал новым друзьям о жизни южного леса, о речке Шаверда, который сам придумал название. В научном студенческом обществе его привлекали сразу два кружка, и, в то время как другие первокурсники еще блуждали в поисках темы, он сразу четко обозначил проблематику и направленность своей будущей научной работы.

А менее чем через год, сразу после осенних экзаменов, Колоколов был отчислен из

института. Отчислен как «неуславающий», поскольку получил две «двойки» и «незачет».

Люди, которых в жизни учебного заведения интересовали лишь цифры, по-своему объяснили случившееся. «Новый приемная комиссия! — твердили они. — Допущена ошибка при наборе!» Но вывод этот далек от истины. Колоколов был и остался человеком умным и одаренным. У него звалица память, он самоорганизован в суждениях, логичен в споре. Нет, причины, решившие его судьбу, серьезней, чем кажется тем, кто судит о человеке по цифрам и бумагам.

Свое характерное в недолгой студенческой жизни Колоколова было, пожалуй, то, что он вызывал о себе самые крайние суждения. Им либо восхищались, либо возмущались. То он являлся на семинар с кипой мелко испиленных листьев и в течение двух часов говорил, «говорит — умно, интересно, хотя по мнению и спорно. А то исчерпал все, неделями не ходит на занятия. В деканате проповедовали выяснить причины пропусков, но Колоколов безобразничал все признаниями такого рода: «на был по гагальскому», «причина неуважительная». Этих ответов, столь неприличных в стенах деканата, разумеется, не верили, считали их рисовкой. Но никому не пришла в голову, что они правды, что у человека просто нет воли, нет умения заставить себя работать систематически, изо дня в день. А в действительности дело обстояло именно так.

Сколько раз обитатель комнаты № 26 студенческого общежития засыпал с благим намерением — проснуться пораньше и сесте за учебники или заняться наконец литературной обработкой дальневосточного дневника. Но... наступало утро, вставать не хотелось, а пере-

бороть лень не хватало сил. И так каждый день: с вечера — клятвенные обещания самому себе, что «завтра уж непременно встану пораньше и икну жить по-новому, а утром — сон, апатия, попытка расстрелять время».

Так переносились дни за утра неосторожные дела, копилась неоконченные конспекты, недочитанные статьи, недосписанные курсовые доклады, невыполненные обещания... Сколько драгоценных часов прошло вступая, сколько дней оказались прожитыми без пользы, сколько месяцев было потеряно! И самое обидное, что на пунктие всегда находилось время, а нужные, важные дела так и не двигались с места.

Можно ли было сказать о Колоколове, что он ленив и неблуждлив, что он не любит избранную специальность? Нет, ни в коем случае нет!

«Но, странное дело, он мог работать только «заполном»: одолеть за час целую книгу, написать в один присест доклад. «Заполном» готовился он и к экзаменам, отводя на чтение огромной стопки книг, пылившихся на подоконнике с первого сентября, последние двенадцать часов перед днем экзамена. И, как нарочно, его спрашивали именно о том, на что не хватало этой «единственной» ночи.

Если бы Колоколов занимался спортом, может статься, он раз или два знал бы хорошие места в состязаниях. Лага всего предать статься его бегущим на короткую дистанцию, равнувшись вперед, почти на одном дыхании преодолевал расстояние до финиша. Споры нет, хорошие природные данные — задано богато. Но на испытании, на случайном успехе далеко не уезжал. Нужны будничная, систематическая работа, умение терпеливо осваивать науку. Нужны воля, собранность, усидчивость. А без этого мечта никогда не станет реальностью.

В. БЕРЕСТОВ

Начетчик

«Ученый» некий жил да был. Он ничего не сотворил,

Ни в области семьи и брака, Как говорится, сядь соловья.

Читал он лекции, доклады, Писал журнальные статьи,

В которых он касался ряда Вопросов брака и семьи.

Откуда же сей дух ученый Черная познания свои?

Из карточек, посвященной Вопросам брака и семьи.

От рецензента «Литгазеты» До Пуштина и Назов

В ней были все авторитеты В вопросах брака и семьи.

Вот рядом с «Первобитым стадам» Разделы «Ревность» и «Развод».

Сколько жет по полям нежным взглядом,

Набиты нужную возмездь И в сотый раз псалмязь привычный

Начнет раскладывать мудрец: Ты — без кавычек, ты — в кавычках,

Ты — на запятую, под конец. Но пробка час, пришла распала.

Окно открыто, как на зло, И все бесенные цыаты

Весенним ветром унесло. И эти хопсень изволаван,

«Ученый» трижды был женат, О браке и семье ни слова

Не смог сказать он без цитат!

А вот история некоей Лидочки, на первый взгляд, общего не имеющая с историей Колоколова.

Бывают люди, которых трудно назвать Анатолий или Лидя, непременно скажешь: Толечка, Лидя дочка. Уменьшительно-ласкательные обороты удивительно являлись со всеми их обинками.

Лидочка училась на втором курсе. Девушка она скромная, добросовестная и на редкость славная. Наука дается Лидочке легко, чертежи, сделанные ею, — образец точности и аккуратности. Если нужна помощь отсутствующему, если болел кто-либо из товарищей, Лидочка тут как тут. Она и в больницу наведается и комплексы свои даст — на все у нее хватит и времени и души.

За эту «человеческий» талант особенно полюбил Лидочку на курсе, и, когда выбрали комсорга, все, не сговариваясь, назвали ее фамилию. С этого и начались «мукы» Лидочки.

План работы новый комсорг составил по-настоящему увлекательный. Были здесь и выдумки, и ржачки, и хорошая, смелая мечта. Замысел будущей комсомольской работы казался ясным и простым. Но вот план принят, наступила пора проводить его в жизнь. И тут Лидочка растерялась, стала ядром скважины, беспомощной. За все она брала сама, лихо рачдоно металась от одного дела к другому.

И-за ее беспомощности был отложен на неопределенный курс литературный вечер, пришлось отменить поездку на велосипед по историческим местам Подмосковья, не состоялась встреча с молодым писателем, едвизшим в районы освоения целинных земель. Когда надо было послать комсомольцев на субботник, Лидочка, на договорившись с товарищами, сразу пришла на работу одна. Столо онечивдним, что Лидочка не умеет работать с людьми, тервется, когда ей приходится от-

рваться от письменного стола. Стало очевидным также, что робость, неумение организовать людей сильно мешают ей в будущем, по окончании института.

Лидочку, разумеется, от работы комсорга освободили. Слова она, свободная от каких бы то ни было общественных дел, живет, как улитка, своей спокойной, тихой жизнью... Ей бы начать сейчас привлекать и самостоятельности с небольшого, послышного, но своей о себе напоминающего, в комитете комсомола, как послушную, затвердели брошенную кем-то фразу: «Лидочка не рождена организатором!»

Тяжко, как Лидочка, немало. В любом городе, в любом вузе есть свои «Лидочки» — люди способные, но на редкость неумелые, когда сталкиваются с большим общественным делом. Теория им больше сродни, чем практика. В тонги ближе, чем люди. Уже на семинарах и курсах млевают «Лидочки» от аспирантуры и, как огня, страшатся слова «производство». Будущие инженеры, они с опаской думают о заводе, будущие педагоги, они побаиваются работы в школе.

Самое простое — исключить Алексея Колоколова из института, когда он не сдал нескольких экзаменов, пропустил много занятий. Самое легкое — освободить Лидочку от обязанностей комсорга и впредь поручить ей работу тихую, спокойную, требующую лишь аккуратности до сдачи ученика.

Но ведь и у Колоколова и у Лидочки были хорошие мысли, любовь к делу, блуждавшие и И Колоколову и Лидочке дороги их мечты. Немало тамыхла минут переволакивал из них, обнаружившие свое неумение осуществлять задуманное.

Если им во-время не помочь, то Колоколова, наверное, не рискует вторично поступать в институт, займется случайным делом, а Лидочка так и останется «исключенной». Их мечты не претворяются в жизнь.

Как быть в таких случаях? Все ли делаем мы, чтобы помочь молодому человеку закалить свой характер, обрести навыки самостоятельного труда? Часто возникает вопрос не стали ли формальными и шаблонными методы воспитательной работы в институте? О воспитании говорят много и часто, но слишком уж общими, абстрактными бывают эти разговоры.

До сих пор трудно увидеть, как у студента с производством. Отбыть обязательные часы практики, студенты затем выключаются из той рабочей атмосферы, которая ждет их в будущем. Значит, надо пересмотреть планы учебной работы с тем, чтобы студенты уже с первого курса были приближены к производственной жизни.

Хорошо бы и планы комсомольской работы строить с прицелом на частые встречи с бывшими выпускниками института, с людьми, на собственном опыте познавшими, что упущено было ими в студенческие годы, каких знаний, каких человеческих качеств потребовала от них жизнь. Пусть эти встречи будут как можно проще и задушевнее, без парадных речей, без многолюдного прилюдного угощения, великую помощь принесут они молодежи!

А научные студенческие общества? Ведь не секрет, что кое-где они существуют лишь номинально: планы, темы, перечень фамилий и имена мало записаны в календарь, но в действительности опыты профессоры и преподаватели, и не только в качестве руководителей и консультантов, но и как старших товарищей!

Не всегда умело используются для воспитательной общественной работа. Часто бывает так: обнаруживая такой комсомолец, как Лидочка, организаторского таланта, и им вовсе перестают интересоваться, не поручают никакого дела. «Зачем рисковать? Есть у нас люди и послушнее», — решает секретарь комсомольского бюро, забывая, что смеливость, риск, творческое начало необходимы в работе с молодежью.

Выходить крепкий характер не так просто, и уж если пришел человек в институт без настоящей жизненной закалки, надо мобилизовать все средства, чтобы помочь ему сделать это в стенах института. Иначе многие юноши и девушки останутся людьми с благими намерениями.

Рисунки В. Орлова.

МАЗАЙС

— Перестой, я, отец. По возрасту к конкурсу не допускают, — пробормотал Владислав.

Не прошло и недели, как Антас бродил по улицам Игды. В городе он был впервые. Все интересовало его, а все было в новинку... Утром, в день экзамена по специальности, Антас надел чистую рубашку и пошел в училище. И здесь он был меньше всех. Как самого маленького, его усадили за первый стол, и он усердно принялся срисовывать чужелою ворону. Затем так же аккуратно начертил призму. Третье задание было паршивое какой-нибудь пейзаж. Антас подумал, и на листочке бумаги появился рисунок, изображающий небольшой косогор, что лежал близ колхоза, а за ним — пригудливая извилина прохладной Даугавы.

Назавтра Антас, придя в училище, увидел, что у стены толпились ребята. Они выкрикивали чьи-то фамилии. Вдруг совсем рядом задалось:

— Антас Ибузал! Кто Антас Ибузал?

— Я, я! — ответил Антас.

— А! Мазайс! Ты принят! — закричали ребята.

Когда выяснилось, что группа еще не укомплектована, Антас набрался решимости и пошел к директору просить, на Владислава. Он говорил сбивчиво, но директор выслушал и, улыбувшись, пошутил: «Так и быть уж, приму. А деньги смотри, чтобы твой брат не женился до окончания училища».

На радостях Антас решил послать домой телеграмму.

Долго не знал, как написать. Он возился с телеграммой, кричал, заглядывая в чужие бланки и наконец поддал телеграфистке получасовое творение. Девушка прочла, машинально поступала карандашом по каждому слову, и Антас услышал в окошечко:

— С вас одиннадцать двадцать.

Антас помоялся, достал из кошелька шесть рублев и деловито спросил:

— А деньги можно?

Девушка засмеялась и стала велух читать телеграмму:

«Был у директора, говорил о тебе. Тебя приняли, только чтобы ты не женился до окончания училища. Приезжай покосоре, а то случно, чередой придет нашим. Ваш Антас. Сократите что-нибудь. Предложи писать не надо».

Антас все переписал, и телеграмма была послана.

Дома она вызвала переполох. Язес расте-

Пристально всматриваясь в чашу леса, Владислав кричал:

— Антас! Антас!.. Да куда же ты запропастился?

— Охота тебе таскаться с мазайсом! — подтрунивал ребята. — Идем...

— Какой же он мазайс? Ему уже давно одинадцать... Антас! — еще раз, но уже сердито прокричал Владислав и, не дожидаясь ответа, побежал с товарищами к шоссе.

— Ты где был? — набросился на него Владислав.

— На Даугаве.

— Как ты в машину попал?

— Да они свернули из реки, купаться, что ли. А я тростник на звук резал. Они ко мне: «Ты чей будешь?» Я говорю: «Язеса Ибузала сына, из колхоза «Родина»».

Антас всегда тянул к взрослым. Старший брат, Роберт, обращался с ним снисходительно и лишь иногда брал с собой, потому что предостерегал увлекаться за Владиславом. Собственно, Антас был действительно не так уж мал, всего на три года младше Владислава, но старшие братья росли как-то быстро, а Антас все оставался шуплым маленьким.

Мать являлась: в кого бы это? В семье все крутые, дорогие, настоящие латыши... Она тайком вздыхала: может быть, от переметования он такой слабенький? Но занимался Антас не больше, чем другие сыновья. Хотя, если уж что-нибудь заинтересовывало его, он просиживал дни и ночи. Особенно, когда из дерева рамы выплывала...

Однажды мальчикою осликнули возле почты.

— Держи, это тебе! — И почталон подал Антасу открытку, на которой был изображен на фоне красивой мебели мальчик в форме, а ниже написано: «17-е художественное РУ приглашает вас принять участие в конкурсе на поступление в данное учебное заведение».

Антас побежал домой.

— Мама, мама, вот гляди-ка, кем будет твой Антас!

Заявления в ремесленное училище братья написали вместе. Послали и стали ждать. Владислав подзагорявал Антаса:

— Куда тебе со мной! Не примут.

Скорю пришел ответ. Каждому вручили по конверту. Владислав почему-то швырнул письмо на стол и упрямо отвернулся, а Антас радостно закричал:

— Ура! Допустили!

— Ну, а ты что, сынок? — обратился Язес к Владиславу.

Мазайс — маленький (латышск.).

«ТИХИЕ ЗАТОНЫ»

Петр Николаевич Рабинин приехал в Тихие Затоны. Поезд, не задерживаясь на маленькой станции, ушел, а Рабинин все еще стоял на платформе, думая о предстоящей встрече с первым секретарем райкома Сухматьевым.

Всего месяц назад Рабинин приехал сюда с заданием областной газеты написать статью о Тихозатонском районе. По сведениям и документам район считался передовым, но Рабинин провел две недели в Тихих Затоны и голова у него пошла кругом. Не в пример для подражания надо было стать райком, а начисто разладился с бедственным положением тихозатонских колхозов.

Рабинин написал статью. Ее почитали сначала неверной. Лишь после вмешательства первого секретаря обкома Хрущичева статья была начата. И вот теперь по предложению того же Хрущичева Рабинин будет работать вторым секретарем райкома вместе с Сухматьевым.

Так начинается роман Ф. Шахматова «Тихие Затоны», вышедший недавно издательством «Молодая гвардия». Действие романа разворачивается в одном из районов средней полосы в дни, предшествующие решению сентябрьского Пленума ЦК КПСС. По сведениям — район передовой. Есть в нем и колхоз-миллионер «Живой родник», умело руководимый Героем Социалистического Труда Ворошиным. Но в других колхозах положение далеко неважное, колхозники мало получают на трудодень.

— В чем же дело? — с горечью спрашивает Ворошин. — Не на

острове же наш «Живой родник» стоит, и земля в других колхозах не хуже, и люди те же...

— А в том дело, — сам же он и отвечает, — что районное руководство больше борется за темпы, чем за хлеб, к героическим усилиям прилагать любит, а о том, чем сыт человек, не подумает. В том деле, что велик разрыв между урожаем, подсчитанным на корню, и тем, что доходит до амбара. Уলেখосы начально процентами отчетов, диаграммами роста.

— Соберут на бумажку эти цифры и, как стеной глухой, отгораживаются этими цифрами от жизни, — говорит на бюро райкома Рабинин.

Жизнь рвет бумажные расчеты. Нарушаются в Тихих Затоны обманчивая тишина.

Секретарь райкома Сухматьев, волевой, неглупый человек, а свое время был выдвинут на партийную работу. В работе у Сухматьева и раньше были ошибки, да кто-то услужливо помог замолчать их, а потом и ему самому они уже перестали казаться ошибками. В погоне за славой руководителя передового района он пренебрег истинной рад, другой а привик к разрыву между бумагой и жизнью. А тут еще растущее чувство собственной непогрешимости — и приблизился человек к падению. Встал вопрос об исключении Сухматьева из партии, хотя и не шест он, не складывает и денежное государственные в карман не складет.

Ярко прочерчен в романе жизненный путь Сухматьева. Оставая ему партийный билет, обком направляет его не в другой район

«заглаживать грехи», а в один из тех колхозов, которыми он недолго руководил. И там, на трудном и ответственном посту председателя колхоза, Сухматьев начинает понимать, «почему фатал колхозного хлеба».

Образ Сухматьева написан сильно, ярко. Это удача автора.

В книге ценно и то, что автору удалось показать не только борьбу Рабинина с Сухматьевым, а борьбу всего передового, честного, смелого в районе с сухуматьевщиной. Ни в жизни, ни в романе одному Рабинину, конечно, было бы не под силу развить воюха буржуйских догматиков. В борьбе включаются Дмитрий Савельевич Ворошин, партгор Николай Турванов и другие.

С теплом вспоминает читатель Дмитрия Савельевича, человека большой душевной силы. «Ты не гляди, что я маленький да сутулый», — говорит он, предлагая свою помощь Рабинину, — я к земле прироснось.

Ворошин не отрывается от земли, от народа; он любит свой труд, любит людей. Любовь эта дает ему силы жить, трудиться, ощущать радость бытия даже тогда, когда мучают боли, когда известен приговор врачей: не более двух лет жизни осталось.

В романе хорошо показана природа, хотя автор не часто обращается к пейзажу, лишь изредка используя его, чтобы подчеркнуть настроение героя.

Первой книгой молодой автор заявил о своем умении подметать в жизни важное, о решимости не уклоняться от распутывания сложных узлов, о стремлении писать человеческие характеры во всей

глубине, противоречивости, сложности.

Но, к сожалению, Ф. Шахматов, работая над многими образами, не использовал до конца эти свои качества. Нередко на полотно романа рядом с сочными, аписанными маслом образами остались карандашные эскизы, приближенные намеченные контуры. Только назван партгор «Живого родника» Горшечников. Едкие образы Голубева, Костюхина, Белокротова.

Подчас характеры не полностью разработаны. Так, Рабинин мы видим в деле, и только в деле. Рвется слезенная улыбка Турванова и Настя. Явно не хватает в романе полнокровных образов тех самых колхозников, о которых много и хорошо говорят его герои.

Досадны языковые огрехи романа. Они свидетельствуют о том, что автор не научился еще достаточно относиться к каждой своей фразе.

Удачи романа, делающие его интересным и нужным, обмывают нас непримиримо отнеслись к его недостаткам и дают нам право посоветовать молодому автору nonetheless овладеть художественным мастерством.

Евг. ЛЕВАНОВСКИЙ

рило перечитывать телеграмму: «Был директором фабрики неделя, жениться приезжал скорее приехать намши Антанс».

— Говорил, нельзя мальчишку одного пускать, — всхлинула Анна.

— Погоди, мать, разберемся, — сказал Язеп и стал сваривать Вилдасиана в дорогу. Братья встретились на вокзале. Антанс держался солидно, он сразу сообщил брату: — Можешь считать, что ты принят в учреждение.

Сам Антанс стал альфрейником. Он должен был научиться распилывать потоки и стволы. Но Антанс заявил, что хочет работать по дереву. Мастер долго приглядывался к нему и как-то раз, увидев, как важно водит Антанс притройкой по только что приклеенной фанере, сказал: — Ты ведь быстрее и с силой. А то тыжи будит. С чижика встречался?

Антанс отрицательно покачал головой.

— Если будешь слабо водить притройкой, то фанерка скоро отойдет. Там, где отошла фанерка, и есть чиж, то есть брак. Поныя?

У директора мастер одобительно заметил:

— Хоршине эти парнишки, Иабулнис. Из них чиж выйдет.

Училище рекомендовало братьев на Первый мебельный рижский комбинат. Ребята определились в бригаду Трейманиса. Здесь изговалился столы. Сначала Антансу работа давалась нелегко, но постепенно он осваивал мастерство. Больше всего Антансу нравились, подбирать орнамент на дерева. Когда крышка была готова, он, нежно касаясь поверхности, строгал ее рубанком, потом с силой тер наждачными шкурками. Уলেখосы, он иногда сирал кусочек, оставляя крошечные дыры.

— Опять запора! Эх ты, кто же так дерет! Смотри-ка...

Но Антансу не нужно было говорить «смотри», он и так не спускал глаз с умелых рук старого мастера. Вот мастер выбрал несколько тоненьких листочков фанеры, сравнил с той, которой был фанерная стол, затем не спеша вырезал кусочек и залатал дыру. Брака как не бывало.

— Мне бы так! — залыхал Антанс.

— Будешь, будешь, — улыбался мастер. — Не только так, а даже лучше. Не все сразу.

Иногда, удачив свободную минутку, Антанс

бежал к полнорочный цех и с затеняной радостью выблил, как оживает подобраный им на крышке стола орнамент.

Антанс возвращался к себе и принимался за работу с дуэной энергией. Много ему помогали старые рабочие. Их поддержку он чувствовал постоянно, а когда встал вопрос с созданием комсомольской бригады, Антанс был уже одним из лучших работников комбината. После собрания, на котором объявили, что Антанс будет бригадиром, к раскрывшемуся, взволнованному брату подошел Вилдасиан: — Поздравляю!

И он крепко обнял его. Прошло с тех пор немало времени. Антанс превратился в рослого, широкоплечего парня, стал одним из лучших бригадиров Первого мебельного комбината. Его знают чуть ли не все Латвия.

Но привычка — дело большое. Нет, нет, да и услышит бригадир от какого-нибудь товарища: майлас. Но теперь это прозвище звучит не насмешливо, как раньше, а почтительно и даже ласково.

Наталья ДУРОВА

Кадр из фильма «Кортик». Полевой (заслуженный артист РСФСР А. Толубузин) посвящает Мишу в тайну кортика (Миша — В. Шахматов, востовой Степа — артист А. Сушин).

СОБЫТИЯ И ГЕРОИ

Заметки к приключенческим фильмам

Приключенческие фильмы постепенно начали отвыскивать себе место на экране. Радуюсь встрече зрителя теми волнующие произведения советского киноискусства, как «Подруги разведчиц», «Смелые люди», «Встреча на Эльбе», «Секретная миссия». Но особенно богат приключенческими фильмами последний год. Мы увидели «Заставу в горах» и «Школу мужества» производства студии «Мосфильм», «Танцевальную находку» студии имени Горького, «Тайну горного озера» Ереванской студии, «Богатыря» идет в Мартоп Киевской студии. Наконец, совсем недавно на экраны страны вышел новый фильм, «Кортик», созданный молодыми ленинградскими постановщиками В. Венгеровым и М. Шайцером по сценарию А. Рыбакова и И. Гомалло.

Напряжено, стремительно развивается действие этой интересной киноленты.

Пытаясь завладеть старинным морским кораблем, лейтенант Никитский убивает молодого офицера Терентьева. Почему из-за кортика лейтенант пошел на преступление? Это связано с какой-то очень важной тайной. Кортик, однако, не достается Никитскому; он попадает в руки случайному

свидетелю убийства матросу Полевому. У лейтенанта остаются только ножи.

Наступает Октябрьская революция. Матрос Полевой становится комиссаром, а лейтенант Никитский — бандитом. Он стремится во что бы то ни стало завладеть кортиком и упорно разыскивает Полевого. Во главе банды, совершающей налет на город, Никитский пытается остановить зшелом, в котором находится комиссар.

Но бандиту не удается осуществить свои преступные замыслы... Полевой не полностью посвящен в тайну кортика. Он знает лишь, что в рюкзаке хранится пистолет с шифром, а ключ к шифру спрятан в ножнах. Такая образом, и Полевой и Никитский владеют только частями секрета, а ведь открылось он тому, кто сумеет соединить кортик с ножнами.

Так начинается фильм, подлинными героями которого, его главными действующими лицами являются не лейтенант и матрос, а дети. Получив от матроса кортик, школьник Миша Полевой вместе со своими друзьями Генкой Петриным и Славой Эльдаровым ищет загадку секрета. Ребята выясняют Никитского и похищают у него ножи. Наконец

тайна кортика открывается. Разгадать ее помогут чекисты, разоблачившие бандита Никитского. Кортик — ключ к потайной двери подвала, где хранятся сокровища, принадлежавшие в XVIII веке оружейным мастером Поликарпом Терентьевым кна оснащение флота российского, когда у кормила правления будут стоять люди, об истинной пользе и славе России пекущиеся».

Приключенческий фильм «Кортик» по праву заслуживает высокой оценки. В связи с этим хочется более обстоятельно поговорить о приключенческом жанре, сделать некоторые выводы, определить общие достоинства и недостатки, свойственные ряду приключенческих фильмов.

Благодаря захватывающему сюжету, необычайной остроте положений, стремительному развитию действия приключенческие произведения дают широкую возможность ярко обрисовать действующих лиц, выявить основные черты

их характера — волю, мужество, ловкость, находчивость.

Но надо помнить, что только внутренняя сущность героя определяет все его поступки, объясняет его поведение. Следовательно, как бы ни был увлекателен сюжет, он в первую очередь должен являться средством для раскрытия характера.

И сознательно, во многих наших фильмах герои более подчинены велению интриги, того сюжета, который придуман автором, чем психологической правде характера, образа.

Вспомните «Заставу в горах». Герои этого фильма — и старший лейтенант Лукин и сержант Кулешов — не имеют своих ярких, индивидуальных черт, их образы давно принальжились сради персонажей других приключенческих фильмов. В этой картине немало напряженных ситуаций, и герои не раз попадают в запутанные положения, но за внешней остротой, чувствую подлинной жизни. Герои фильма действуют по заранее придуманной схеме, а потому и заранее догадываешься, как они будут себя вести, какие поступки совершат.

Совсем иначе выглядит герой такого, например, фильма, как «Школа мужества». Здесь каждая сцена помогает нам глубже узнать характер действующего лица. Равеный Чубук, старший товарищ и наставник Бориса Горькова, заблудился тяжелым сном. Нарушив его приказ, Борис спускается к реке, чтобы набрать для Чубука воды. Дорогу расчищает юноша за свою беспечность: но и Чубук попадают в плен. В этом коротком эпизоде авторы фильма умело показывают, как совершается переход в характере Бориса, как мальчишество сменяется зрелым солдатской зрелостью. Яркое и яркое и дальнейшее развитие его характера. Вот Борис получает несложное задание: влезть на дерево и наблюдать за противником. Но он нечаянно разбил стекла бинокля. Как быть? Борис принимает смелое решение — пробраться в самый центр села, занятого врагом. С колокольни, свая за балками, он вдруг видит полковника Жихарева. Ненавидя окантовывает Бориса, он хочет отомстить за растерянного Чубука. Но сознание долга побеждает — он не имеет права выдать себя и провалить задание.

Так в запоминающихся сценах и эпизодах показано становление характера героя.

Сюжет «Кортика» также определяется не случайным сцеплением различных обстоятельств, а той закономерностью, которая прису-

Опасная встреча в будне обходчика (Никитский — заслуженный артист РСФСР В. Фрейндлих; бандит — артист Ю. Корниенко, Миша — В. Шахматов, востовой Степа — В. Афанасов).

ща самой жизни, вытекает из поступков героев фильма.

Связующее звено в кинофильме — это кортик. Окружающий его стремится все сделать. Кортик перекладывает из рук в руки до тех пор, пока заключения в нем тайна не разгадана. Но как, например, кортик попадает к Мише? Почему колдун решает сохранить мальчику оружие и тайну?

Вот Миша (Володя Шахмаметьев) и Полевая (заслуженный артист РСФСР А. Толбузин) на черстве образуют основу для нескольких бандитов. Поведение Полевого зрителю понятно: Полевая — один из героев гражданской войны, человек, овеянный славой революции. Мы знаем историю этой победы! А вот как поведет себя мальчик, только что возмивший с голубями и вдруг захваченный стремительным груворотом военной жизни? Немало приключенческих фильмов изображают героев, действующих с завидной смелостью, которой не очень-то вершишь. Их исключительная смелость порой очень слабо мотивирована.

Миша в «Кортике» показан простым, обычным мальчиком. При виде крови на руке раненого мороса он вначале пугается, плачет. Но от этого образ его не становится понятнее и живее. Убеждающая сила образа как раз в том, что Миша сумел победить страх, выдержал боевое крещение. Полевая же мог не почувствовать этой подлинной смелости мальчика. И то, что он отдает ему кортик, логически вполне оправдано.

Авторы многих приключенческих книг фильмов, стремясь зрелищности, нередко нарушают установленную правду. В жизни люди поступают гораздо проще и логичнее, чем герои подобных фильмов. Это и понятно: надуманность ситуаций требует надуманности поступков. Фильм «Кортик» правдив. Его правда — в конкретности всей окружающей обстановки, в реальности столкновений, в достоверности характеров своих героев, по-настоящему серьезных и по-мальчишески романтических и наивных, и, наконец, в правильной трактовке отрицательных персонажей. Ведь не секрет, что в иных кинофильмах враги шаркированы, огульны. А между тем в любом произведении искусства отрицательные персонажи выполняют двойную функцию: помимо того, что они служат объектом обозначения, они еще и являются противодействующей силой, в борьбе с которой определяются положительные характеры. Чем сильнее и умнее враг, тем труднее победа.

В том же фильме «Застава в горах» враги еще более схематичны, чем положительные образы. В одной из сцен этого фильма, например, матерый диверсант, являющийся в костюме киноком, оказывается, не помнит, как закручивается чалма. Это понадобилось авторам, видимо, для того, чтобы оправдать сюжетную ситуацию. В результате шпикон — дуралочка, победа следователя — мнимая победа. А как можно было бы показать повидок между двумя умами, как мог раскрыться в такой сцене образ «честика» «Кортика» бандит Никитский не наделял беспокойно рыщущими глазами, подергивающимися щеками и прочими «провокерскими» чертами кинематографического злодея. Никитский в испол-

нении Б. Фрейдлиха суров, уверен в себе, настойчив. В момент ареста он демонстрирует исключительную выдержку, которая еще же не сплещет. Авторы фильма пошли по пути наибольшего сопротивления, и потому-то так взрывают в память образы всех действующих лиц.

Новый приключенческий фильм, «Кортик», encapsulates живые люди, которые действуют в правдоподобных, увлекательных ситуациях, и это придает фильму большую познавательную ценность.

Ведь если влюбленный голландско-«детектив» перемещит злодею фуражку на шляпу с перьями,

Комсомолица Валия Иванова (артистка Н. Крайковская) усматривает Борнуку по прозвищу «Миша» (Борисы — Б. Иглатьев, Юрия Стоцкий — В. Крутилов).

полицейно заменить королевской гвардией, а автомобили — добрыми конями, то все сцены будут казаться такими же «естественными». Построенный на «голом» сюжете, приключенческий фильм легко можно перенести из эпохи в эпоху, из одной части света в другую. Ремесленные приемы создания произведений авантюрного толка давно стали штампом, весьма распространенным в западном искусстве. Поэтому становится обидно за наших киноработников, использовавших некоторые избитые штампы при создании фильма «Богатыри» и «Мартос», где налицо почти все атрибуты детектива, вплоть до таинственной кинозвезды в роли шпикона. В сюжетную основу «Кортика» положено совершенно иной принцип. Сущность событий, разворачивающихся вокруг загадочного кортика, определяется эпохой — героическим временем первых лет Советской власти. Борьба, показанная в фильме, типична для тех исторических дней, когда место еще не устоялось, когда не сформировались черты стереотипа, когда еще действует неразоблаченный бело-гвардеец Никитский и не найдено своего места в новой жизни Мария Гавриловна Терентьева. Но новое уже неуклонно надвигается, захватывая все больше человеческих судеб. Новое смело входит в один из питерских дворов, где мальчишки играют в «красиволочку», новое — это Валия Иванова, комсомольский вожак, сплотивший ребят в пионерскую дружину.

«Кортик» — первый наш фильм, в котором рассказано о том, как создавалась боевая ленинская пи-

онерская организация, и посвященные этому сцене обогатили приключенскую историю кортика, создали второй план фильма — фон, на котором разворачивается борьба. Этот фон активен и тесно связан с основным действием. Например, показана типичная для того времени уличная сцена — выступление бандитов «аробата #2 Буш 2». А вскоре юные артисты приходят к пионерам, их присутствие в фильме становится необходимым. Точно так же оправдана колоритная картина «Бараколки», где ребята покупают режизит для драматического кружка. Здесь они знакомятся с Ми-

Комсомолица Валия Иванова (артистка Н. Крайковская) усматривает Борнуку по прозвищу «Миша» (Борисы — Б. Иглатьев, Юрия Стоцкий — В. Крутилов).

шей Корюкиным. Типична для тех лет и судьба беспирюрника, нашедшего место в пионерском отряде.

В создании «Кортика» участвовал большой творческий коллектив, и он успешно справился со своей трудной задачей. «Кортик» продолжает лучшие традиции советских приключенческих фильмов и, надо полагать, откроет собой новую серию кинокартин подобного жанра. А материал для приключенческих кинокартин ежедневно подкашивается самой жизнью — достаточно взглянуть в любую газету. Юный чабик слас колхозное здание, часовой выдержал схватку с нарушителем границы, врач ехал тысячу километров по тайге, чтобы спасти от смерти оленевода. Марки, ленточки, солдаты, геологи, школьники совершают самые удивительные подвиги, каждый из которых может стать сюжетом для великолепного захватывающего фильма о красоте человеческого духа, о ловкости и смелости, об уверенности в победе. Жизнь постоянно рождает героев, и молодой зритель хочет видеть их на экране. Яркие фильмы об этих героях будут учить молодежь мужественному поведению в любви, самой трудной обстановке. Воспитательное значение приключенческих фильмов огромно.

Л. ЧЕРЕНЦОВ

Кадры из кинофильмов: «Красные дьяволы», «Семеро смельча», «Победа раздалась», «Сильные люди», «Застава в горах», «Школа мушкетера», «Кортик».

Ромен Роллан.

«БУДЕМ ДЫШАТЬ ДЫХАНИЕМ ГРОЕВ!»

Ромен Роллан хорошо известен в нашей стране как один из крупнейших французских прогрессивных писателей XIX века, как гуманист, всю свою жизнь неутомимо и бесстрашно борющийся против войны и фашизма, как искренний и верный друг Советского Союза.

Ромен Роллан родился в 1866 году, его литературная деятельность началась на рубеже XIX и XX веков.

В 1887 году Л. Н. Толстой послал письмо от французского студента Роллана. Автор письма спрашивал у великого писателя, как найти путь к созданию истинного и правдивого искусства. Лев Николаевич ответил Роллану, что только любовь к народу, интерес и его жизни помогут писателю достигнуть этой большой цели. Ответ Толстого открыл начинающего писателя, укрепил его стремление объявить войну упадочническому искусству, враждебному и равнодушной и инстинкту к человеку. В своей борьбе Роллан опирался на лучшие традиции французской классической литературы, на традиции Рабле, Гого, Бальзака, Золя; он черпал силу и вдохновение в творчестве великих русских писателей, воплощающих в него идеал правдивой народной литературы. Роллан ставил своей задачей создать искусство гуманистическое, искусство больших характеров и высоких идеалов, которое помогало бы людям жить и стремиться к лучшему будущему. «Старая Европа ценит в гниющей, отравленной атмосфере... писателя, который умрет от удара». Мир задыхается, «распален им огонь! Впустите свежий воздух. Будем дышать дыханием Гроев!»

В поисках героических характеров Роллан обращается к событиям французской революции XIX века. Он создает цикл «двух революций».

В 1892 году выходит книга «Жизнь Бетховена». Это первая работа Роллана о великом немецком композиторе и гениальном музыканте. «Жизнь Бетховена» — это страстное утверждение гениальности человека, призыв к борьбе Героических сил. Это книги высшего чина издательства Горовиц, которые могли бы воспитывать молодежь в духе борьбы с германскими Гроев!» обращается к Роллану с просьбой написать специально для этого издания книгу о Бетховене. Горький писал: «Наша

цель внушить молодежи любовь и веру в политику. Мы хотим научить людей героизму!» Горький выразил уверенность, что книга Роллана будет служить этой цели.

Нельзя ответить на такие вопросы иначе 1900-х годов, Роллан начал работать над романом-эпопеей «Жан-Кристоф», осуществление замысла потребовало колоссального напряжения всех творческих сил писателя. Последняя, десятая, книга «Жан-Кристофа» вышла в 1912 году. Роман построен как летопись жизни талантливого композитора бетховенского типа — Жана-Кристофа. Героический образ музыканта-бунтаря дан на фоне упадочнической современной Роллану буржуазной культуры Германии и Франции.

Жан-Кристоф родился в Германии, в семье бедного музыканта. Маленький музыкант начинает работу с одиннадцати лет, полагая матери пророческой сказку. Жизнь приносит Кристофу много разочарований, страданий и огорчений. Но из немого нового испытания Кристоф выходит более сильным и закаленным. Ему чудно слышен, он любит музыку, потому сражается за нее, находя в этой борьбе высшую радость. Несмотря на свое одиночество, Жан-Кристоф бросает дерзкий вызов аллопатевым выродившимся буржуазному искусству — искусству, развлекательного тупых и пошлых вещей. Он также бросает вызов искусству, основанному на торжественном сопоставлении пошлой творческой силы народа. Вымученный понинуту Германию, герой романа уезжает в Париж.

Важным знаменательным является пятая книга романа — «Января на площади». Это блестящий обличитель политиков. Писатель показывает гниль и продажность французской Третьей республики, где, как и в России, искусство, пресса, принципы, честь, совесть — все превращено в средство спекуляции лживых и наглых авантюристов. Всему этому отравительную язву бросает вызов искусство, которое, как Кристоф один из в своей борьбе, не связан с широким народным массами, не связан с дикими прогрессивных сил и демократии. Несмотря на противоборство с образами Жана-Кристофа, на отдельные описания и заблуждения Роллана, эта книга — выдающееся произведение

французской прогрессивной литературы XIX века. Роман захватывает читателя идеей героизма, проповедует идею борьбы с войной и гневным разоблачением буржуазной культуры.

Стремясь создать искусство, нужное и близкое народу, Роллан обращается к фольклору, к народным традициям, к французской литературе. Там возникает его самая яркая лирико-эпическая книга — «Моя Бронья» — дневник старого резчика по дереву, жителя старинного городка Бронья в Бельгии. Книга переносит читателя в XVII век. Нола Бронья — это дневник описания черт народа, его неустойчивой измученной силы, мужества, трудолюбия, откровенности. Каждая страница этой замечательной книги пропитана любовью к родному краю, к своему народу, к ее природе. Роллан устами Броньи пишет: «Вот народ, — холодны страны: «Там будешь ты свободны, французский народ благословен, а наших городов пусть заберет Мой земля да — яруг с другим дружины, друг другу ниско». Через всю книгу проходит тема труда. Роллан провозглашает, что труд — это основа жизни, что труд, не изуродованный эксплуатацией, есть творчество.

Когда начался первый мировой войны, Роллан смело выступил против войны, но в начале войны, как и многие, камнем путем начал бороться против империалистических войн, но его мысли осушлились, присутствуя габриэлевской войне, гневно звучал на весь мир.

Во время мировой войны Роллан ясно увидел все уродства капиталистического мира, поэтому он с вынужденным интересом отнесся к известиям о Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Роллан не сразу понял характер революции, не сразу понял и принял революционные методы пролетарской диктатуры, но, несмотря на это, он стал одним из первых друзей молодой Советской республики. Роллан выступил против походов Антанты, приветствовал первые успехи советских людей в строительстве нового мира.

Писателю пришлось пережить трудный и сложный путь, чтобы осознать свои ошибки, заблуждения, чтобы прийти к социализму. В своих ставших 30-х годов писателя осуждают больше, чем временные ошибки и заглавет всем янну: «Я буду осуждать германское дело, возмужаленное СССР».

Большое значение для Роллана в эти годы имела дружба с великим пролетарским писателем Максимом Горьким. Горький помог Роллану понять все значение Октябрьской революции, понять сущность пролетарского гуманизма. Роллан всегда большая любовь и уважение кротому янну была истинна, сущна, — писал он. — Но я протянул свои корни и достиг подвиги народа, необъятной России, пролетарского гуманизма. Как раз в конце этой подвиги работы мои корни встретились с корнями Горького. И они брались сплелись с ними».

«Разноязычная душа», так же, как и «Жан-Кристоф», состоит из нескольких книг, объ-

единенных одной темой. В нем расцвела история жизни Аннеты Ривьер. Читатель знакомится с ментальным миром Аннеты и страданиями героини. Мы видим Аннету учительницей, секретарем и капитаном. Аннета — женщина, активная участница антифашистского движения. В образе Аннеты писатель соединил лучшие черты двух своих любимых героинь: Жанноты и Аннеты. «Моя Бронья». Ее присущи несгибаемая сила воли, настойчивость, она человек большого сердца. Аннета — нестройной героиней Аннеты и героиней Аннеты. Аннета идет через капиталистическое движение с гордой поднятой головой, в ней расцвет и пробуждение, она борется с преступному миру. Преодолевая протрудности и трудности, Аннета выжестивает, она борется с войной, и пролетариат. Когда же Марк погибает от руин фашиста, Аннета мужественно стойко продолжает работу, которую вел ее сын.

Писатель смело противопоставил два мира: мир капитализма, в преддверии войны, и мир социализма, новый мир страны светлого будущего.

30-е годы, когда писатель заканчивал роман «Очарованная Луна», был в Париже. Роллан принимал самое активное участие в завершении войны. В это время борясь за мир и демократию, против фашизма и войны. Он писал воззвания в защиту жертв фашистского террора: Тельмана, Грамши, Динотроа и других. Вместе с Барбюсом он являлся инициатором и организатором международных конгрессов в защиту культуры. В своих статьях Роллан подчеркивал, что защита СССР есть борьба за мир. Через голол реационных правительств он обращался к народу, призывая и единению и борьбе за мир и культуру. Призывно звучат его слова: «Мир зависит только тем, кто обладает достаточным мужеством, чтобы бороться миром и защищать его».

Во время второй мировой войны Роллан оказался в зоне фашистской оккупации. Эти годы были очень тяжелыми для него. Из-за голода писателя. Истощенный голодом и болезнью, оторванный от своего народа, Роллан янн нашедшей на освобождение родины. В дни, когда земля Франции была оккупана от фашистских оккупантов, Роллан обратился с письмом к руководителю французского движения Морису Торезу, в котором выразил свои глубочайшие и искренние симпатии к коммунистам, возглавлявшим в годы войны борьбу за национальное освобождение Франции.

Последние слова писателя в защиту мира и культуры, его страстные призывы к борьбе против войны и фашизма теперь, в годы всемирного движения народов в защиту мира, звучат с новой силой. Все прогрессивное человечество глубоко ценит и любит Ромена Роллана, великого сына Ф. И. ЛИЛЕЕВА,

жандит философических наук, доцент.

Автолитографии Е. Кириши
к книге Р. Роллана «Нола Бронья».

Античный рисунок по мотивам комедии Аристофана «Лисистрата».

ОТЕЦ КОМЕДИИ

(К 2400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРИСТОФАНА)

Это было около 2400 лет тому назад, в январе 426 года до нашей эры. Шестой год шла война между двумя важнейшими государствами древней Греции—Афинами и Спартой. Развязанная крупными собственниками-землеладельцами, которые стремились к захвату новых земель и новых масс рабов, война приносила тяжелые бедствия простому народу, особенно афинским земледельцам. Почти ежегодно спартанское войско вторгалось летом на территорию Аттики (так называлась небольшая область, центром которой были Афины), разорил и опустошал крестьянские хозяйства. Земледельцам приходилось на это время перебираться в Афины и, укрывшись за городскими стенами, с болью в сердце наблюдать, как гибнут на их глазах виноградники и оливковые деревья, выращенные в кропотливом, тяжелом труде.

С наступлением осени спартанское войско уходило на родину, и аттические земледельцы могли вернуться к своим участкам, чтобы обрабатывать их хотя бы частично в зимние и весенние месяцы.

Но что же случилось в Аттике зимой 425 года? Почему опять изо всех деревень потянулись народ в Афины? Уже не совершил ли спартанцы нового нападения на аттическую землю? Нет, на этот раз афинским земледельцам ничто не угрожало. Просто они собрались в Афины на традиционный праздник в честь бога Диониса—покровителя виноградарства, древоводства, сельского труда и незатейливых утех в часы отдыха от крестьянских работ. Неотъемлемой частью этих празднеств, традиционно справлявшихся дважды в год (январь—февраль и март—апрель), были театральные представления, которые персонально воишки и сформировались в рамках культовых обрядов, посвященных Дионису.

Со временем театральные представления в Афинах приобрели всеобщий характер, став средством обсуждения в художественной форме самых актуальных вопросов общественно-политической жизни. На них представлялось большинство граждан. Согласно древним источникам, число полноправных свободных афинян мужского пола составляло 30 тысяч человек; в театре Диониса, расположенном естественным амфитеатром на склоне холма под открытым небом, вмещалось не менее 17 тысяч человек.

Итак, зимой 425 года в Афинах происходила один из омерзительных праздников в честь Диониса. На оркестре (сценической площадке) огромного театра уже были показаны трагедии трех поэтов, соревновавшихся между собой в художественном мастерстве перед лицом многотысячной аудитории. Наступила очередь для такого же соревнования поэтов-комедографов.

Аристофан.

Глашатай объявил очередное произведение—«Ахарниев», комедия Каллистрата.

Зрители, вероятно, хорошо знали имя Каллистрата—это был опытный артист и постановщик. Но они знали и другое: пьеса, которая ставится сегодня от его имени, написана не им. Уже третий раз Каллистрат приходил на помощь молодому талантливому драматургу Аристофану. Впрочем на театральном поприще Аристофан выступил за два года до представления «Ахарниев». Ему тогда еще не было девятнадцати лет. Не обладая достаточным опытом в сценическом воплощении драматических произведений, он призвал на помощь Каллистрата, который поэтому и был объявлен автором комедии: в древних Афинах драматург являлся обычно и постановщиком своих пьес.

Точно так же и в предыдущем, 426 году Каллистрат поставил от своего имени написанную Аристофаном комедию «Вавилоняне», принесшую ее действительному автору выдающийся успех. Афиняне удостоили юного комедографа первой премии, высоко оценив его политическую смелость: в комедии подвергался острой критике деятельность ряда видных должностных лиц.

О чем же пойдет речь в новом произведении Аристофана?

На оркестре, изображающей площадь для народных собраний в Афинах, появляется хорошо знакомая всем зрителям фигура аттического

земледела. Уже несколько лет он переживает бедствия, вынужден в результате войны на долю всем крестьянам. Теперь он полон желания поставить в народном собрании вопрос о заключении мира. Пламам его, однако, не суждено осуществиться: сбитое с толку болтовней всяких жуликов-послов, собрание не желает слышать о мире.

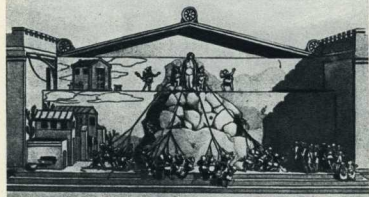
Тогда герой комедии по имени Дикосополь (буквально: «справедливый гражданин») заключает со Спартой секретный мир за себя и своей семьи. Не подчиняясь больше законам военного времени, он собирается справить мирный праздник в честь Диониса. Но тут в дело вмешивается жажда—непрерывный участник древней комедии. В пьесе Аристофана, о которой идет речь, он изображает стариков-ахарниев (отсюда название комедии), представителей самого большого аттического дема¹, особенно пострадавшего от вторжений спартанцев. Ахарниев, выходящий из тени, скрывается серьезнейше врагам, обвиняет Дикосополя в государственной измене и угрожает ему жесткой расправой. Вынужденный оправдываться перед лицом разгневанных стариков, Дикосополь излагает свою точку зрения на причины войны.

В этих высказываниях Дикосополь содержит много анекдотического. Аристофан умеренно выкладывает в уста своего героя комическое объяснение поводов, якобы повлекших за собой войну. Но за пародийно-сатирическими интонациями поэта скрывается серьезнейшие мысли. Война не нужна простому люду, она несет ему страдания и бедствия, нживаются на ней богачи, для которых высокие воинские должности служат источником дохода; поэтому прекращение войны, безусловно, в интересах не только Дикосополя, но и его противников—стариков-ахарниев, таких же честных и работающих земледельцев. К этому сводятся аргументы Дикосополя, которым нельзя отказать в основательности и справедливости. Хор комедии выслушает с ними согласится. Он примирится с героем и желает ему успехов в начале дела.

Впрочем, благие результаты заключенного Дикосополем мира оказываются незамеченными и в высшей степени наглядно: на открытом им рынке происходит торг между представителями различных греческих городов, и счастлив и доволен Дикосополь отправляется на виноградную плантацию, в то время как его сосед, рыночный сторопника военной партии, выносит разгневаный крик—с ними согласится.

«Ахарниев»—первая донесенная до нас делком комедия Аристофана—является далеко не единственным его произведением, направ-

¹ Дем — административная единица в древней Аттике.

ленным против войны. С той же целью написаны им комедия «Мир» (421 год до н. э.) и «Лисистрата» (411 год до н. э.), которые и поныне сохраняют актуальное значение для читателей и зрителей. Лучшее всего это подтверждает сценической судьбой комедии «Лисистрата», которая за последние столетия неоднократно ставилась в театрах Советского Союза и зарубежных стран. На советской сцене эта комедия получила наиболее яркое воплощение в бывшей Музыкальной студии МХАТа, где она была поставлена в 20-е годы под руководством В. И. Немировича-Данченко с участием В. И. Пашенцова и других известных ныне артистов. По свидетельству современников этого спектакля, театру удалось донести протест Аристофана против бессмысленной войны, разрушающей жизнь и счастье народа, показать борьбу за здоровье, счастье человека, донести его призыв к миру, любви и труду.

Однако вернемся в древние Афины. Год спустя после успеха, ослепленного «Ахарьянами», Аристофан выступил на сцене от собственного имени и притом с самой острой и смелой своей комедией. Это были «Всадники», поставленные в 424 году и завоевавшие также первую премию.

Внешие эта комедия может рассматриваться как беспощадный сатирический памфлет, направленный против одного из крупнейших политических деятелей тогдашних Афин — лидера крайней военной партии Клеона. Отличавшийся энергичным, решительным характером и фанатической настойчивостью, владелец кожаной мастерской Клеон отражал в своей деятельности интересы верхушки крупных производителей — собственных рабочих ремесленников, мастеров и отцов торговцев, заинтересованных в расширении морского могущества Афин. Достигнуть же этого они могли только путем войны со своими соперниками, в первую очередь со Спартой. Таким образом, в деятельности Клеона с наибольшей отчетливостью выявлялось, в чьих интересах велась война.

В комедии «Всадники» Клеон выведен в образ кожевника, раба, который служит охранителем афинскому народу (Демосу). Кожевник родом из малоазийской области Пафлагонии. Пользуясь старческой слепотой и доверием Демоса, который в суматохе военного времени потерял способность рассуждать разумно и здраво, нападая Пафлагонец-Кожевник одурячивает и обворовывает народ, предавая его насущные интересы. Правда, в силу комедийной логики спасителем Демоса оказываются некий Колбасник, рыночный торговец и прощельяг, еще пахлятые Пафлагонца. Но в

Герой комедии «Мир» Аннонарард Тонига, создатель гигантского мира, поднялся на Олимп — жилище вечных богов, чтобы вернуться на землю богиню мира Ирину. Сделав это одиозно легко, потому что страшный бог войны Пеллоас заточил Ирину в глубокой пещере и завалил огромными камнями. Вот по призыву Гривес простые люди всей Греции собираются с долгами, ирнами и нападками на Олимп. Дружными усилиями они отвоевывают Ирину и освобождают богиню мира. День счастливый, день неслыханный, день завоевания, день победы, день освобождения, день счастья, день мира. Ты пришел, — лирично посылает земледельца. Ты наш над, богиня мира, все сокровища ты мисель Для того, кто свет, иная.

фильме комедии Колбасник произносит над Демосом чудеснейшую метафору, в результате которой народ снова становится молодым и энергичным, а Колбасник — разумным и мудрым государственным деятелем.

Значение образа Пафлагонца, однако, выходит далеко за пределы персонального сатирического памфлета, личных нападок Аристофана на Клеона. Пафлагонец является обобщенным социальным типом, в чертах которого Аристофан концентрирует все социальные явления, порожденные начинающимся кризисом афинской демократии.

Война вскрыла противоречие, существовавшее между интересами афинских земледельцев и крупных рабовладельцев; она привела к дальнейшему социальному расслоению среди граждан. Аристофан не мог понять, почему это происходит. Он не мог знать законов общественного развития, в силу которых социальное неравенство является неизбежным спутником эксплуататорского строя. Но он ясно видел конкретные проявления этих законов и с позиций честных крестьян-тружеников выразил свой протест против накопления богатства в руках немногих, против их обогащения за счет массы граждан, против войны как средства обогащения. Поэтому не только и не столько Клеон как конкретная историческая личность закрепили в «Всадниках», а вся богатая рабовладельческая верхушка древних Афин. Большие то: созданный Аристофаном сатирический образ Пафлагонца сохраняет свое значение для разоблачения эссытастических классов вообще, с присущими им методами обмена народа, лицемерным политиканством, демагогическими уловками и ухищрениями.

Эту глубоко народную основу аристофановской сатиры принципиально раскрыл в свое время эссе Добролюбов, когда он писал: «Аристофан... не в бровь, а в самый глаз колот Клеона, и бедные граждане рады были его колды выходящим.»

Жертвой «волокных выходов» Аристофана был не только Клеон и другие представители рабовладельческой верхушки. В поле зрения древней комедии попадают буквально все социальные группы — значительные явления общественно-политической и идейной жизни Афин. Особый интерес представляет в этом отношении комедия Аристофана «Облака», «Лягушки» и «Птицы».

В первых двух обсуждаются вопросы философии и эстетики. Героями этих комедий Аристофан делает, как и во «Всадниках», реальные исторические личности: философа Сократа («Облака»), трагических поэтов Эсхила и Эврипида («Лягушки»). Используя при этом индивидуальные черты, Аристофан

создает комические обобщенные литературные типы. Так, в образе Сократа поэт выводит из сферы фигуры ученого-натуралиста, провидящего взглядом в будущее, философа общественной мысли. Древнего трагика Эсхила и своего недавно умершего современника Эврипида Аристофан заставляет вступить в спор за право обладания трагическим престолом в полемическом парстве. Пользуясь фантастическими средствами, он дает ярко контрастные характеристики двух поэтов, олицетворяющих как различные периоды в истории афинской демократии, так и различные ступени в развитии античной трагедии. Комедия «Лягушки» представляет собой замечательный и притом первый в истории мировой литературы образец литературной критики, острой полемики по вопросам эстетики.

Фантастический сюжет, вообще характерный для творчества Аристофана, лежит также в основе комедия «Птицы», написанной в один из наиболее тревожных моментов войны. Аристофан рисует здесь сказочное царство, основанное пернатими Пеллусом, лебом и землей. На Филиппе, он дает яркое изображение социальной выводит политические и бытовые фигуры, типичные для современных ему Афин, достигая этим яркого комического эффекта. Но еще более существенна в этой комедии тема социальной утопии, свидетельствующая о бессилии поэта найти выход из тех социальных противоречий, которые вскрылись в годы войны.

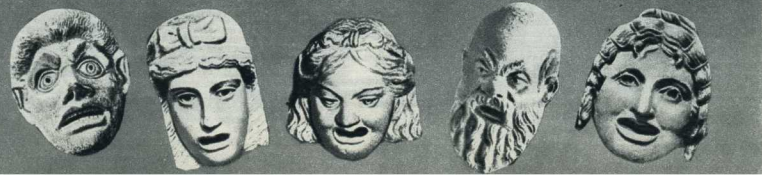
Уже в конце своего творческого пути Аристофан снова возвращается к мотивам социальной утопии, и это последняя комедия «Плутос» («Богатство») сюжет строится вокруг сказочной причы о прозрении бога богатства Плутоса. Будучи слепым, он попадал всегда во власть негодных людей — мошенников, казнокрадов, доносчиков, — которые богатыли за счет простого земледельца. Но вот честному и бедному крестьянину Хремилу удалось исцелить Плутоса от слепоты, и все на свете изменилось: прозорливый бог отворачивается от несправедливо работающих и одаряет порою всеми благами честных и скромных тружеников. Непонятность этой сказочной аллюзии не должна, однако, заслонять от нас самых ценных сторон творчества Аристофана. Как и в ранних своих комедиях, так и в «Плутосе» древний сатирик с негодованием осуждает рабовладельцев, с глубоким сочувствием и симпатией относится к простому люду, мирным труженикам. Беспощадное разоблачение богатых и эксплуататоров, обманывающих народ, разжигающих войну и навязывающих на нее; любовь к простому, «маленькому» человеку, имеющему неотъемлемое право на мирную трудовую жизнь; четкое осознание общественных задач искусства, его идейной целеустремленности — все это обеспечило Аристофану почетное место среди выдающихся представителей мировой культуры.

Энгельс называл его «отцом комедии», «ярко выраженным тенденциозным комедийным» критиком Аристофана должно соединяться понятие о благороднейшей и нравственной личности», — писал Белинский. Высоко ценил Аристофана крупнейшие сатирики нового времени: Рабле и Фьлдлинг, Гоголь и Гельве.

В этом году по инициативе Всемирного Совета мира все прогрессивное человечество отменит 2407 лет со дня рождения Аристофана, отдавая должное уважения памяти великого сатирика древности, осуждавшего еще на заре цивилизации осознать бесчеловечность войны и заклеивать ее в своих комедиях.

В. ЯРХО,
кандидат филологических наук.

Ковчешные маски.

«КАЛЕВИПОЭГ»

«Калевипоэг» — замечательное поэтическое произведение эстонского народного творчества. В нем отражены глубокая мудрость народа, его многовековой жизненный опыт, его чаяния и надежды. Герой эпоса Калевипоэг, сын Калева, сказочный богатырь, труженик и воин, воплотил в себе лучшие национальные черты: трудолюбие, справедливость, стремление к свободе, к познанию. Калевипоэг совершает подвиги, строит города, возделывает поля, борется с тёмными силами во имя народа. Свою жизненную цель он

видит в том, чтобы «счастье отдавать потомкам, прославлять родную землю».

К этому эпическому произведению обратился выпускник художественного факультета Всесоюзного государственного института кинематографии эстонец Альфред Оя, готовя свою дипломную работу. Во время преддипломной практики он изучал в Эстонии народные сказания о Калевипоэге, знакомился в музеях с бытом древних эстов, делал многочисленные наброски, зарисовки. На защиту диплома он представил се-

рию эскизов и рисунков к разработанному им сценарию «Калевипоэг».

Некоторые из его рисунков показаны на вкладки. Вверху — Калевипоэг возвращается из Пскова, неся на своих могучих плечах доски для строительства крепостей. Внизу слева — Калевипоэг ссорится на пиру с сыном кузнеца; справа — мать Калевипоэга — Линда. Она носила на могилу своего мужа камни, устала и горько заплакала. По преданию, от ее слез на этом месте образовалось озеро печали вдовьей — Юлемисте.

Недалеко от Алма-Аты, в предгорьях Тянь-Шаня, ежегодно проводятся сборы лучших лыжников страны. На верхнем снимке — слаломисты на привалае после тренировочных занятий. Внизу — мастер спорта Александр Филатов на трассе горнолыжных соревнований 1954 года по слалому.

Фото В. Гипперрейтера.

СТО ЦЕХОВЫХ КОМАНД

Л екальщик Володя Смелов спортом никогда раньше не занимался. Больше того, он даже недолюбливал его, особенно легкую атлетику. Поиграть в футбол — это еще куда ни шло, но бегать! Нет, это занятие было ему явно не по душе.

В осеннем комсомольско-профессиональном кроссе Володя согласился участвовать только потому, что не хотел подвести ребят из своего цеха. Потренировавшись несколько дней, он вышел на старт. Но случилось так, что Смелов, не помышлявший о лаврах победителя, на последних метрах вырвался вперед и финишировал, показав лучшее время среди заводских физкультурников — 2 минуты 59 секунд.

Инструктор мастер спорта Михаил Андреевич Лобов в тот день прямо-таки атаковала победителя:

— Чужак ты, право. Что ж ты скрывал, что у тебе такой талант! Да если ты будешь заниматься серьезно, то тебе придется на областных — да что там! — на всесоюзных соревнованиях выступать... Словом, приходи завтра на стадион на тренировку!

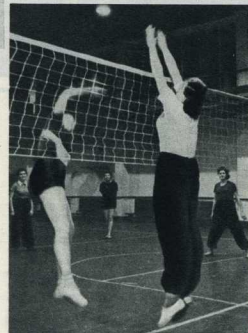
Хотя Володя не без удовольствия вспоминал подробности кросса, решение его осталось неизменным: на тренировку он не пошел. Но это был первый и последний случай, когда он пропустил занятие легкоатлетической секции. — Почему же ты не пришел? — спросила на другой день товарищи по цеху. — Неужели тебе безразлично, как выступит наш коллектив на заводской спартакиаде?

Нет, Володе это было не безразлично. С чего ребята взяли, что ему не дороги интересы цеха? — Почему же ты не пошел, то теперь он обязательно пойдет на стадион и будет бегать, прыгать и делать всякие другие упражнения, лишь бы не подвести коллектив.

Было это шесть лет назад. Сейчас о своем спортивном дебюте Смелов вспоминает с добродушной иронией. Но он сразу становится серьезным, когда речь заходит о том, как настойчиво приходилось его совершенствоваться в спорте. Всеми своими достижениями он обязан коллективу физкультуры, инструкторам Лобову и Кудькову, товарищам по цеху, которые не только привлекли его интерес к спорту, но вместе с ним переживали его неудачи и от души радовались, когда одаренный спортсмен привносил победы родному заводу.

А побед было немало. В беге на 5 тысяч метров Смелов занял первое место на всесоюзных соревнованиях общества «Авангард». Сособый бегун неплохо выступил и в состязаниях по бегу на 30 километров на приз газеты «Грудь». Пройдя зимой, обогнав нескольких мастеров, он завоевал звание чемпиона Московской области по лыжам.

Минувшим летом Смелова приглашали участвовать в одном из самых трудных видов соревнований — марафонском беге. И пусть он пришел к финишу сорок первым из ста шестидесяти стартовавших бегунов, но Владимир остался доволен своим результатом: его соперниками были лучшие марафонцы страны! Смелов охотно передает свое спортивное мастерство товарищам. Он, например, вынашивает руководить лыжной секцией. Больше двадцати разрядников выросли под его руководством. Недавние новички — слесари Сергей Файкин и Юрий Калинин, лаборантка Ада Ковалкова и воспитательница общежития Шура Фокина — сейчас чемпионы Колымы по лыжам.

В спортивном зале Дворца культуры можно поиграть в волейбол.

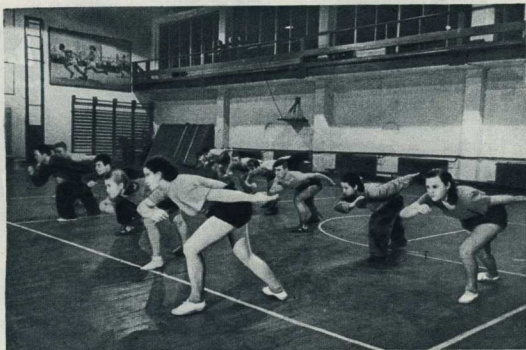
И таких спортсменов, как Владимир Смелов, на заводе очень много.

Любят физкультуру и спорт на Коломенском паровостроительном заводе! В цехах создано больше ста команд по самым различным видам спорта. И нужно видеть, каким упорством отличаются встречи этих команд, как тяжело переживают каждую их неудачу болельщики. Минувшим летом сто сорок встреч было проведено на заводском стадионе, а осенью, когда футболисты ездил играть с командой химкомбината в Вожегосечск, то заводскую команду сопровождало несколько сот болельщиков. Популярен на заводе не только футбол. Во время состязаний по баскетболу или боксу перед входом в спортивный зал всегда толпится много народу: зал не вмещает всех желающих.

Спорт на заводе стал действительно массовым. Об этом красноречиво свидетельствуют такие убедительные цифры: 2 800 рабочих занимаются физкультурой и спортом, свыше 1 700 физкультурников участвуют в составе цеховых команд, и 400 рабочих имеют спортивные

Чемпион города по стрельбе А. С. Беликов с дочерью Ириной в заводском тире.

Задолго до наступления зимы молодые конькобежцы начали тренироваться в зале.

разряды; более ста заводских спортсменов завоевали звание чемпионов Коломен и областного совета добровольного спортивного общества «Авангард».

Как же удалось заводским спортсменам добиться таких успехов?

— Конечно, вам на заводе легко наладить работу спортивных секций, — сказал после одной товарищеской футбольной встречи кто-то из гостей. — Ведь у вас три освобожденных инструктора!

— А известно ли вам, что почти всеми девятинадцатью спортивными секциями руководят общественные инструкторы? — не без гордости ответил председатель совета коллектива Алексей Самарин.

И действительно, в этом коллективе привыкли все делать своими руками, не дожидаясь помощи со стороны. Главная заслуга в этом принадлежит комсомольцам. По их инициативе физкультурники завода оборудовали во дворе двенадцать волейбольных площадок. Комсомольцы первыми приходят приводить в порядок стадион, убирать спортивный зал, заливать каток.

Вряд ли без помощи молодежи содержался бы в таком образцовом порядке большое хозяйство физкультурного коллектива: стадион с трибунами на пять тысяч мест, спортивные площадки в теннисный корт, один из лучших в области спортивный зал, закрытый стрелковый тир и другие спортивные сооружения.

Молодежь модельного цеха больше всего любит волейбол. На площадке, которую оборудовали физкультурники, играют не только летом, но и зимой. После снегопада все дружно выходят с лопатами чистить площадку, а спустя некоторое время над сеткой взлетает мяч...

Совет коллектива каждый год проводит семинары судей, инструкторов, физиков. Преподают на этих семинарах мастер ОТК модельного цеха Александр Цветов, техник отдела главного металлурга Нина Губарева, мастер спорта Лобов — ныне директор стадиона, старший инженер-конструктор Александр Сергеевич Беликов и многие другие опытные спортсмены.

На составленных судьи не только следят за соблюдением правил игры, но и всесторонне помогают спортсменам исправлять допущенные ими ошибки. Однажды на ответственном баскетбольном соревновании судья А. Белобородов за четыре персональные ошибки вывел с поля одного игрока. Когда игра окончилась, судья подвожал его к себе и терпеливо объяснял, как избежать таких ошибок в дальнейшем.

Во многих цехах завода созданы сильные спортивные команды. Один из самых лучших коллективов физкультур — в ремонтно-механическом цехе. Здесь почти все комсомольцы занимаются в секциях, участвуют в соревнованиях.

Душа всех спортивных начинаний — член бюро цехового комитета ВЛКСМ Виктор Рудков. Вместе с комсоргом чертешкиней

Машей Стальной и физгортом слесарем Иваном Божовым он организовал соревнования по волейболу между токарным, слесарным и фрезерным участками.

Маша Стальная сумела заинтересовать многих девушек своего цеха стрелковым спортом. Юношам пришлось уступить им место в тире. — А то у вас получается, как в песне: «Ну, а девушки, а девушки — потом!». Дайте и нам пострелять, — сказала Маша.

Теперь стрелковая секция стала одной из самых крупных в цехе.

Физкультурный коллектив Коломенского паровозостроительного завода славится богатыми спортивными традициями. Отсюда вышли свой путь такие футболисты, как известный в свое время нападающий московского «Динамо» С. Ильин, как мастер спорта В. Чистохвалов.

Модельщики Владимир Мошов, Александр Цветов и Евгений Бенишин — активные спортсмены и отличные производственники.

Легкоатлеты, лыжники, волейболисты, баскетболисты, стрелки, хоккеисты завода завоевали достойное место в многочисленной и сплоченной семье физкультурников страны. Волейболисты Коломна на всесоюзных соревнованиях общества «Авангард» заняли третье место, выиграв у таких сильных соперников, как команды Ураламзавода, «Красного Сормова». Футболисты заняли второе место в Московской зоне первенства РСФСР и вышли в финал игр на кубок Центрального совета добровольного спортивного общества «Авангард».

Пожелаем спортсменам Коломенского паровозостроительного завода новых успехов и побед!

В. ТАЙГИН

г. Коломна.

ЗИМА

В МОСКВЕ...

Зима! Сколько радости принесла она молодежи. На ледовые площадки катков вышли хоккеисты. Первыми начали гонять шайбу игроки дворовых и школьных команд. Посмотрите, с каким азартом играют в хоккей с шайбой юные москвичи.

Другой снимок сделан в Валу. Зимний сезон здесь танке открыли самые молодые. И хотя в Валу снег выпадает ненадолго и катки заливают только в выходные, хоккей в этом городе не менее популярен, чем в Москве.

Этим ребятам не нужны теплые костюмы. Вместо шайбы у них обыкновенный мяч. Ударты игроков взаимодействуют на снежную поделку, а пьль. Но азарт, с каким играют бакинские ребята, не меньше, чем у московских.

... и в ВАЛУ.

ИСТОРИЯ ИХ ЛЮБВИ

Главы из романа «Вечная мерзлота»

Окончание. Начало см. «Смену» № 23.

ПЕРВОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Сергей Кузьмин просмотрел приложенные Дубровним проекты, и они вместе стали подробно обсуждать, как будут строиться каменные здания в условиях вечной мерзлоты. Забавников, использув присматривавшийся к Володе, отметил про себя его осведомленность в гражданском строительстве и внимание, с которым молодой инженер прислушивался ко всем предложениям и советам.

— Итак, сделаем вывод. В каких случаях здания разрушаются вечной мерзлотой? Когда под фундаментом уменьшается прочность мерзлого грунта — лед в почве растаял под влиянием тепла, выделенного зданием, а сам грунт, понатое дело, дал осадку. В другом случае здания разрушаются, когда происходит выпучивание фундамента из-за увеличивающегося в объеме промерзающего грунта. Правильно?

— Безусловно, — подтвердил Волода. Ему все было понятно, и сам профессор и его манера вести разговор.

— Мы научились возводить долговечные постройки, основываясь на двух принципах. Если строить приходится на толстом слое вечной мерзлоты и здание не должно выдвигать много тепла, мы стараемся сохранить резки мерзлого грунта: применяем теплоизоляционные материалы, делаем подполья с вентиляцией, устраиваем охлаждающие трубы и тому подобные хитрости. В другом случае, если под нами незначительный слой мерзлоты, а здание будет выделять много тепла, вечная мерзлота со временем исчезнет из-под фундамента. Придется предусмотреть, чтобы все здание года через два — три не оказалось на песке, тоньше через два — три не оказалось на песке, тоньше на пыльнике, на жидкой каше. Избежать эту неприятность можно, поставив фундамент на сваих: о них-то и говорил вам главный инженер. Сваи заглубляют в постоянный грунт, лежащий под вечной мерзлотой, наши фундаменты будут неизменно и прочно стоять на них. Давайте решим применять для наших домов оба метода, в зависимости от данных разрезов на стройплощадках. Договорились?

— Договорились, — улыбнулся Дубровнин, внимательно слушавший профессора.

Они детально осмотрели железнодорожный клуб, построенный пять лет назад по указаниям Забавникова. Здание хорошо выглядело, в нем не замечалось ничего сомнительного или тревожного.

— Стоит красавчик и будет стоять вечно! — с гордостью сказал профессор, ласково приложив руку к теплой стене, согретой солнцем. — А качество невелика: свая. А теперь взгляните сюда: в нем не замечалось ничего сомнительного или тревожного.

— Вот вам факт, проверенный мной лично, — сказал профессор не без торжественности. —

Рисунки А. Лурье.

На этом участке дороги несколько лет назад были построены сто четырнадцать зданий. Сейчас сто тринадцать из них, то есть все, кроме одного, разрушены полностью или частично. Видите, во что обходится пренебрежение вечной мерзлотой?

Волода прожил у Забавникова дней десять, работав под наблюдением профессора над проектом и попутно знакомясь с опытами лаборатории. И чем больше он узнавал профессора и его помощников, тем большим уважением проникался к их труду. Сам Сергей Кузьмин вызвался в нем восхищенно энергией и живостью характера, почти детской радостью по поводу каждой находки в работе, добротой, с какой старик отдавал свои знания.

Настало время отъезда, и Дубровнин почувствовал, ему очень не хочется уезжать. Он с грустью думал: «Теперь мы сюда не выбраться, и я больше их не увижу». Он понимал, что ему будет не хватать Шуры. Все это время он наблюдал за ней. Все здесь казалось Шуры, и Волода убеждался в трудолюбии и деловитости девушки, удивительно укрупнившихся в ней с непосредственностью и мальчишеской проказливостью. Смех и пенне ее возникали то тут, то там и часто резонировали в колодах и пустых стеклянных сосудах большой химической комнаты, где за лабораторным столом устроился со своими чертежами Дубровнин.

Шура, казалось, избегала Дубровнина, а встречаясь, предпринимала словесную атаку, но так простоудно, что он только улыбался в ответ.

— Что же вы улыбаетесь этой вашей сладкой улыбкой, ведь я вам неприятные вещи говорю? — спрашивала она сердито.

— Нет, приятные, — отвечал Волода.

— Ну, как приятные? — не соглашалась Шура. — Я сказала, что вы появились тогда у костра среди моря, как жемчужная опинная курица. Что же тут приятного?

«...Однажды, когда она возмелась с бюрократом у лабораторного стола и попросила его посмотреть, правильно ли установлен уровень жидкости, и он подошел сюда, случился происшествие, которое ее рассердило. Волода догрозился губами до ее шеи. Шура совсем перестала с ним разговаривать и делала вид, будто вовсе его не замечает. Лишь накануне отъезда подобрела, сама подошла к нему и о чем-то спросила, была непринужденно тихой и кропкой.

Профессор сидел в своем кабинете и писал письмо начальнику строительства, а Шура развлекала Володу пением, подгварывая себе на гитаре. Вошел Фетисов, накануне вернувшийся из тайги. Шура бросилась к нему, передала гитару и попросила что-нибудь сыграть. Усмехнувшись, забавляясь взяв гитару, пригладил челс и неожиданно для Володы занялся тангом. Волода расхохотался.

— Смешно, правда? — спросил Фетисов до-

бродушно и предложил: — Потаңуц с Шуручкой. Я что-то давно не видел, как танцует.

В тайге это дело, брат, не налажено пока. Играл он ловко, слегка покачиваясь и с видимым удовольствием глядя на танцевавшую пару.

— Я не представляю, что будет с папой, когда вы уедете, — прервала молчание Шура, чуть отклонившись и заглядывая темными глазами в лицо инженера. — Он влюблен в вас и все время надеется мне разговорить о ваших достоинствах. Вряд ли ему хочется с вами расставаться.

— А вы? — спросил Волода, имея в виду последнюю фразу девушки. — Как вы?

— Что я? Влюбилась ли в вас? Нет, еще не успела.

— Зря, — в тон ей ответил Волода. — Вот уеду, и законсервируетесь вы в этой своей вечной мерзлоте.

— Ах, так! — возмущалась Шура и хотела уйти.

Волода не отступил ее. Павел Иванович бойко заиграл валсы и, будто подслушав их разговор, сказал:

— Танцуй, Шуручка, пользуйся случаем, пока кавалер не уехал. Скоро танцевать будет не с кем.

— Не сердитесь — тихо и решительно сказал Волода — я же пошутил. А сейчас скажу всерьез: мне не хочется уезжать. Понимаете? Мне трудно представить, что я вас и Сергея Кузьмина больше не увижу. А ведь так много получается, так часто получается из-за недоумков и услужливости. Представьте себе: мы встречаемся лет через десять, и вы, став важной дамой, вроде вашей лаборантки, объявите мне: тогда, мол, десять лет назад, мне не хотелось, чтобы вы уехали. Лучшие скажите мне об этом сейчас, — снова не удержался Волода от шутки, прикрыв ею свое волнение.

Он говорил шепотом, почти касаясь губами лица девушки. Она слушала внимательно, и щеки ее пылали румянцем.

— Вы опять шутите, — с неуверенностью сказала она.

— Нет, не шушу.

А что будет, если я скажу сейчас: ну, не уезжайте? Вы же все равно уедете.

В словах девушки прозвучала горечь.

Они и не заметили Сергея Кузьмина, стоявшего в джипе. Профессор переключился с Фетисовым, продолжившим перебирать струны гитары; видимо, одна мысль пришла им в голову: хорошая пара!

Вручая Володе письмо, Сергей Кузьмин пристально посмотрел на него и сказал: — Теперь вы видели, как мы живем, как работаем. Если вам у нас понравилось и вы захотели бы поработать со мной, без колоссальной приплаты, я с радостью приму вас. Сейчас я вам требую ответа: хотите себе, подумайте, а потом пришлите письменно.

— Я уже подавал, Сергей Кузьмин, и ответу не жалею, а сейчас: мне очень хочется работать с вами, и если начальный строительная меня отпустит, я приеду. Володя ухаживал за садом одно утро. Володя встал чуть свет и собрался потянуться, но нарушая покой еще спавших хозяев. На улице его встретила утренняя свежесть. Подножка спок стояла в сиреневом море тумана. Сад благоухал. Солнечные лучи, только что пробившиеся сквозь листья, еще не осушили чистой росы на цветах и траве.

На дорожке перед ним появился Шура, смежая и розовая. — Мне очень стыдно говорить вам это, но я все-таки скажу: я проговорила дедушка, слювяками глазами.— Я думала ночью над вашими словами. В самом деле, почему я и не могу вам сейчас сказать то, что думаю? Я не хочу, чтобы вы уехали. Не хочу скрывать, что сейчас мне очень хочется остаться с вами. Я работаю, но несколько дней дулась и не жаловалась с вами. Вы вернетесь, Володя?

— Вернусь. Обязательно,— сказал он и скрепил это обещание пожатием обеих ее рук.— Теперь я и не могу вернуться к вам. — Володя Кольцов разрешит на части, я все равно вернусь к вам!

— Он пообещал на станицю, откуда уже слышалась свистка подошедшего поезда.

СЧАСТЛИВА ЗИМА

Не сразу решился Дубровин пойти к начальнику строительства и просить перевести его в лабораторию Забавникова. Против ожидания, Кольцов не удивился — профессор писал ему об этом не в первый раз. Перенести в лабораторию Володы. После вторичной просьбы, высказанной упрямо и настойчиво, начальник строительства сказал:

— Ты мне нужен как инженер, а не как сотрудник лаборатории... И я не уверен, что ты сможешь быть руководителем замещения. Инженер Дубровин через год может стать главным человеком на стройке. Сотрудник лаборатории Дубровин будет до старости копаться в проблемах вечной мерзлоты. Во всяком случае, я могу отпустить тебя только после того, как развернутся работы на порученные тебе объекты. У меня нет сейчас денег для поездки. Наладись здесь — поезжай хоть на Игарку.

Кольцов оторвался и не скрывал этого. Дубровин не был ему безразличен, он привык считать себя ответственным за судьбу Володы и незаметно руководил каждым его шагом. Начальник строительства ничего не имел против Забавникова, уважал и ценил этого человека, но решение Володы перейти в лабораторию было совсем неожиданным и не влезало с представлением о будущем Дубровина — одного из самых способных его, Кольцова, учеников.

— Ставь заморочку ему голову,— пробормотал Кольцов, провояжая взглядом уходящего от него Володу.— Возможно, он улетит с новыми объектами и забудет про лабораторию.

Разве знал Кольцов, что влекло теперь Дубровина к Забавникову? Володя никак не мог забыть лабораторию, и особенно, после второго неприятного разговора с начальником стройки, его отпустили. Ужасал Володя с тяжелой чувством: Кольцов отругал его и не подал руки на прощание.

— Забавниковым, предупреждающие телеграммы встречались. Володе. Сергей Кузьмин шел навстречу с протянутыми руками, но Шура опередила отца: неожиданно для Володы и, очевидно, для самой себя она бросилась к нему, уткнувшись в грудь лицом и плакала.

— Вы молодой, Володя,— слыжала слово.—

И другим голосом, подавая смущение, просила: — Зачем приехали, кто вас алал?

— Вы сами. Вы и гражданин Вечная Мера-лота.

— Ах, она! А я не знала, вам пришлось. В лаборатории говорили, что Дубровин очень красив. Еще вчера были красными полыхала осень: рыжими листьями на дубнике, красными на осине, золотыми на березе; как вышка на гигантском ковре, повсюду серой серо-бежевой пожухлой травы торчали яркие пятна изредка красных саранок. За одну ночь все цвета осин скрылся под снегом. На землю пали морозы, от которых захватывало дыхание.

С первого часа этой зимы, отмененной ребебией бетогий Шуры по срежесью свету на- вали. Полюй, звонок лавяшим и восста- вавшим в собачьем восторге на воздух сразу все четыре лапы, начался особый период в жизни Володи Дубровина, период, запани- вавший навсего во всех мелочах и пустяках. Вернувшись домой теперь, после суровых испытаний войны, Володя перебирал в памяти разные подробности этой зимы как самое радостное впечатление. Если б его спросили, что такое счастье и было ли оно когда-нибудь в его жизни, Володя, наверное, рассказал бы об этой удивительной зиме, полной света, несмотря на то, что ночи были черными и долгими; полной теплы, несмотря на сверпство- ванную вокруг стужу. Именно тогда, а не раньше, в этот период, он узнал, что такое работа. Именно тогда, а не раньше и не позднее, он узнал, что такое дружба с товарищами по труду. Именно тогда он впервые и на всю жизнь узнал, что такое любимый и любящий человек.

Уже в день приезда Дубровина, едва узнав о возбуждении астрей, Забавников увел нового сотрудника в свой кабинет и без всяких предисловий сразу поставил перед ним задачу: профессор войти в курс всех дел лаборатории.

Быстро сам перечислял, как ему хотелось бы об- щаться с Володой, чтобы плотно войти в трудо- вую жизнь коллектива и занять в нем свое место. У Сергея Кузьмина были заранее пере- распределены нагрузки, и ему не терпелось переложить часть ноши на Дубровина. Профессор считал, что в первую очередь знаком- ся с лабораторией, а не попытаться, каким образом горсточка людей справляется с такой громадной нагрузкой. Теперь, когда он при- коснулся к жизни лаборатории не в качестве гостя, а как сотрудника, а в частности, когда он стал ясно, что несовершенство физиче- ских сил коллектива и решаемых им задач устранилась ли почти устранилась высокой культурой труда Забавникова и его помочи- ков, помноженной на их энтузиазм и удивительную привязанность к своей молодой на- чке, которая пока только все забирала у них и со- всем не умела благодарить.

Время было расписано по минутам, и распи- сано не табелем, не инструкцией, а глубокой личной заинтересованностью в деле.

В течение пяти часов расписаны колодами и бу- ровные скважины на глубину от тридцати до ста метров; в них неустойчиво вели наблюдение за температурами почвы, трижды в день производя замеры. На опытных площадках непрерывно изучались зависимость температу- ры грунта от характера и глубины покрова ле- дительного, снежного или искусственного; тут же проверялось, какое воздействие на тем- пературный режим грунтов оказывают специ- ально заглубленные в почву изоляционные щиты из дерева или из торфа. По нескольку часов времени изучались все изменения, проис- ходящие в десятках жермх оттапываемых зданий, построенных в разное время и различ- ными способами. Все время проверяли, как восстанавливается время замерзания почвы, как устанавливается ее глубина и глубина про- луживания. С помощью созданных в лаборатории приборов вели наблюдения над пульсацией и пучением почвы, над динамикой верхнего слоя грунта, подверженного сезонному промерзанию и оттаиванию. Впервые вели наблюдения над про- луживаниями опятами помощники Сергея Кузьмина выясняли условия электрических замерзаний в мерзлые грунты и производили электроразведку вечной мерзлоты. Все до одной надели на ближайших соседях, как бы ни было, и в целях контроля лаборатории.

Деятельность лаборатории не ограничива-

лась только обещанными исследованиями и изучением инженерно-строительных свойств вечной мерзлоты. Забавников и его коллектив много внимания уделяли изучению сельско- хозяйственного освоения вечной мерзлоты. Гидрометеорологическая служба вели наблю- дение за температурой и влажностью воздуха, за состоянием почвы, за мощностью и плотнос- тью снегового покрова, за состоянием атмос- феры. Наблюдения захватывали и фенологи- ческие явления в природе, в частности в лес- ных участках. Уже давно во дни в день, из месяца в месяц, в виде год в виде дневники записы- вались все происходившее в природе. В разных местах вокруг лаборатории были возведены опытные участки, которыми руководил Сергей Кузьмин, а выращивались овощные и зерновые культуры, ягоды и фрукты.

Наука о мерзлых зонах земной коры толь- ко- только выходила на широкую дорогу, лабора- тория, или, как еще ее называли, мерзлотная станция Забавникова, была одним из немно- гих центров этой науки. «Мерзлотники» — уче- ные, инженеры — завоевали право на обшир- ные институты и большие штаты, но не сумели еще в полной мере использовать все, что было создано в лаборатории. Забавников, за- рождавшийся в коллективе. Вымысли, за- мастера, в первую очередь, в лаборатории, и множество различных приспособлений, облегчающих труд исследователей. Он же, Фе- тисов, был одним из добровольных помощников Сергея Кузьмина «на раскопках на грядках», он же снабжал коллектив вином и дичью, до- ными «с богатой тайге. Незомутным и всегда самооточенный Науом с помощью всего только четырех рабочих справлялся с опытами по инженерному мерзлотоведению. Шура несла на своих плечах тяжесть кропотли- вой работы, в которой затрачивались колоссаль- ные и вместе с отцом вели фенологические дневни- ки; она же помогала двум химикам и, кроме всего прочего, была за секретаря при отце. Самому Забавникову приходилось не только вести лабораторию, но и заниматься руководством и вместе с отцом вели фенологические дневни- ки; она же помогала двум химикам и, кроме всего прочего, была за секретаря при отце. Самому Забавникову приходилось не только вести лабораторию, но и заниматься руководством и вместе с отцом вели фенологические дневни- ки; она же помогала двум химикам и, кроме всего прочего, была за секретаря при отце.

Поначула, пока Володя знакомился с основ- ными мерзлотоведения и входил в него, было не только коллективом, все для него было не- обычным и праздничным в лаборатории. Потом пошли трудовые денечки и недели, и спустя некоторое время Дубровин почувствовал, что его все больше тревожат односторонняя методичность работы, в которой хлопоты по по- ному множеству мелких составляли все содержание. Вот уже десять лет один и тот же человек измерял температуру грунта в не- сколько скважинах. Этот человек изо дня в день и в день по три раза делал замеры температуры в журнале — в нем не содержалось никакой пищи уму, поскольку материал для обобщений мог накопиться только еще через одно десятилетие.

Забавников, по добротому говорил Володе о состоянии пучения еще при первом знаком- стве. Теперь Володя собственными глазами увидел эти знаменитые столбики: штук сто обыкновенных деревянных, бетонных и кирпич- ных столбов, в шахматном порядке торчавших из промерзшей почвы. Столбы стояли на ровной площадке неподалеку от лаборатории. Их за- гнали в землю несколько лет назад и с тех пор не сводили с них глаз. Настал день, и Дубровин привил на себя заботу об этих столбиках как своеобразную установку мерзлотоведения. Отныне он измерял температуру грунта под каждым столбом, температуру воздуха над ним, близ- ностью выстраивал малейшие изменения, ко- торые производили таинственные шумы пучения в бетоне, кирпиче и дереве столбов. Все за ним продолжалось с той же тщательностью. В течение много месяцев для того, чтобы на- писать цифры и с их помощью прийти к опре- деленным выводам о влиянии пучения почвы на вертикальные смещения шты и опор.

Володя пытался подвинуть чувства, вы- зывая в них интерес парадоксально однообраз- ной работой, пытался не дать разогореться раз- чарованию, охватившему его с тех пор, как

он познакомился не с эффектами науки, а с ее буднями. Он боялся и подумать о своей прежней деятельности строителя, она-то была осязаемой, зримой, эффектной каждой рукой! Если строился дом, его стены росли на глазах. Если строилась дорога, за день она удлинялась на несколько километров... Выходит, Кольцов был прав?.. Володя не смеял в этом себе признаться. Призван врату начальна строительства, он должен был признавать свои ошибки, а признав ошибку — значит испортить ее, иначе говоря, бросить лабораторию, порвать с Забавниковыми и вернуться на строительство. Даже подумать об этом было страшно!

Сергей Кузьмич, обладавший зорким душевным зрением, поймав состояние своего нового сотрудника, — это не обижало и не пугало профессора. Он не старался подладиться под настроение молодого инженера, не делал попыток оживить и развечить его наиболее интересной и парадной частью работы на газлах. Кузьмич поверил в Дубровина раньше, чем тот сам поверил в себя. У Забавникова была далеко идущая планы относительно Володы, он видел в нем своего преемника и хотел воспитать из него настоящего ученого — этого нельзя было бы достичь, не приучив с самого начала молодого человека к терпению и усидчивости, к неблагодарной, незаметной, черной работе. Наоборот, как бы тренируя Дубровина, старик давал ему самые несложные и малозатратные задания и даже не особенно старался при этом открывать дальние перспективы. Зато Сергей Кузьмич сознательно пренебрегал к другому — он, будто невзначай, то и дело сам становился напарником Володы и с обычным усердием выполнял рядом с ним какую-нибудь особо неинтересную работу. Мало того, и Шура в таких случаях оказывалась рядом с Володей, занимаясь тоже каким-либо чернорабочим делом.

Влияние двойного примера было неадекватно, оно не могло не сказаться. Видя, с какой невнимательной добротой и всеобществом сам Забавников и Шура трудятся возле него, ничем не гушась и ничего не отвергая из того, что нужно было делать, Дубровин все чаще и чаще спрашивал себя: «Ты кто, считаешь себя лучше их, что ли? Почему эти замечательные люди должны за тебя выполнять самый неблагодарный труд? Откуда эта аристократическая тяга к эффектам? Если ты не хочешь быть чернорабочим в науке, то почему же кто-то другой должен быть им вместо тебя?»

Шно время, и Володя постепенно перестал тягаться будничностью труда, терпеливо и добросовестно делал все, что ему поручали. Разумеется, само существование Шуры помогло ему. Шура заставляла забывать или просто не замечать неинтересность той или иной работы. Недаром же все эти годы на фронте Дубровину каким-то сплошным праздником представлялись в воспоминаниях несложные манипуляции с термометром и рулеткой возле столбов пучения; рядом с ним всегда была Шура! Он помнил ее чаще, всего в белом полушубке и большой шапке с меховыми помехами, в белых валенках, раздумывающую и задорную,

готовую в любую минуту наозорничать, кинуть снежком или толкнуть в сугроб. И еще он помнил ее сидящей у камина. Розово-фиолетовые отблески играют на ее лице, и оно все время млеет — не то от злого плавающего света, не то от мыслей, пронисающих ее голову. Едино парализовало Володю с первой встречи, когда он увидел Шуру из окна вагона, — такие лица невозможно не заметить. Встретить человека с таким лицом, и хочется заговорить с ним. Если он пройдет мимо, и ты в силах жесткими усилиями не можешь остановить этого человека, то будешь продолжать путь с чувством сожаления и утраты.

Ночью снова задула пурга. Взбесившийся ветер налетел на домик лаборатории, промчал по все щели и завывал на все лады. Тонны снега, вздыбленные ветром, носились в воздухе. Гаухо и мощно гудела тайга.

Володе, лежащему в постели с книгой Арсеньева в руках, пришлось встать и укрыться поверх одеяла полушубком. Дем враздувал, стекла вздрожали. Какое, что буре раскачает дом, сорвет его с насиженного места и понесет вместе со снегом во мрак.

Утром Забавников запретил сотрудникам выходить на работу, достала ненадлинной силой. Шура возмущалась, как прозвучали обязательные для каждого дня метеорологические наблюдения. Профессор согласился сделать отступление — Володя уговорил Сергея Кузьмича разрешить ему вместо Шуры выйти на улицу.

С шутками и смехом они готовились к этой вылазке на простой экспедиции. Володя тепло оделся, Фетисов обвязал его концом длинной веревки, наказав другой конец крепко привязать к крыльцу.

— Как прикажешь, в какое время назад обернешься? — спросил Фетисов.

— В полчаса обернусь. Тут до будки метров двести... Десять минут в пути, остальное потрачу на работу.

— Ну, ты, поглядим!

Шура тоже поспешила над Володей, и он спросил:

— Если унесет меня ветром, будете горевать?

— И не подумаю, даже рада буду...

Именно этого не могли открыть входную дверь, и, когда наконец открыли, Дубровин выскочил и сразу же захолодел за со собой. Ветер придала его к крыльцу. Преодолев силу лютного воздуха, он шагнул на ступеньку, и его сразу подхватил, понес снежный смерч... Едва касаясь земли, Володя никак не мог остановиться и — летел, летел... Вереку он не успел привязать к крыльцу. Упал, его погонило в туче снега, потом прижало к земле мощным порывом сверху.

Полжизни минуты три и пригладившись, он разобрал в белесом бесовании нурги темневшей в нескольких метрах от него здание. Боясь встать, он пополз к нему. Это был полузакрытый снегом сарай — завалик, где Натура изготавляла снежные столбики и кубики из бетона. Оказывалось, инженер отшвырнул от дома более чем на пятдесят метров.

Володя всем телом почувствовал холод: ветер проникал сквозь одежду, даже через швы полушубка; снег завалился за воротник, в рукава, заперло глаза... Уже со всей осторожностью Володя пополз по направлению к метеобудке. «Рожденный ползать летать не может», — шутил он над собой.

Томз Володя очень долго. Трудно было провалиться наискосок, движущегося в разных направлениях с огромной скоростью. Он весь взмок, даже руки вспотели. В конце концов ему удалось добраться до будки. Пришлось расчистить от снега вход в нее.

Выкопав траншею в метр высотой, Володя открыл дверь и забрался в помещение.

Здесь его и нашли Фетисов с Шурой. Прощая, оказывается, пять часов с тех пор, как он ушел на работу.

Шура указала на Володю, глубоко вздохнула, подбежала и горнисто схватила его за руку.

— Вы говорите, что рады будке, если меня унесет, — вот я и решила улететь по ветру куда-нибудь далеко, — подумал Дубровин. Она ничего не ответила, только отпустила его руку и стояла перед ним тихая и крохоткая, глядя ему прямо в глаза.

— Она, брат, слезы пустила и на меня набросилась. Да и от профессора пошло за тебя, — расхохотался Фетисов, брызнув слезами, дываясь в красневшее, мокрое от слез лицо девушки.

Вечером Фетисов удалил момент и подступился к Забавникову с разговором о Шуры и Володе.

— Видел бы ты ее дачеца, — сказал он. — Как она о нем тревожилась!

Забавников поднял голову от дневника, в котором описывал сегодняшнюю пургу. На сумрачном лице его разгладилась морщина, оно стало добрым и ясным, как всегда, когда он думал о дочери.

— Владимир-и? говорил тебе что-нибудь о намерениях своих? — спросил Павел Иванович. — Ведь любовь крепкая у них, всякому видно, что они любят и не высказываются?

— Я верю Володе — он уважает и бережет свою любовь; Шуру он не обидит. — Забавников засмеялся. — А ты, видно, совсем забыл, как трудно бывает объясниться, когда сильно любишь.

— Ты возьми да помоги ему, — посоветовал Фетисов. — В таких случаях, Сергей Кузьмич, лучше не тянуть и побыстрее сыграть свадьбу...

— Гуляка! Придется тебе подождать, из-за тебя торопиться не будем. — Забавников помолчал, а когда его стукнул сердечный, в какой-то просветленности и сердечности он сказал: — Вмешиваться в это никому не надо, нельзя. Позвечера ходил мы строем к реке, нельзя смотреть. Я от них нарочно отбыл и потоптал снег, чтобы не было видно, как славно. Такой светлый праздник любви бывает только у детей! Видеть время, он скажет ей, что любит и что не может без нее жить, — и тогда они сами заявятся ко мне.

Сергей Кузьмич все знал, что Володя уже сказал Шуру, что любит ее, что он так раз полюбил, когда он от них отбыл. Шура и Володя остались один в чистом березовом лесочке; бродили, перебарываясь снежками и шутками. Шура набрала в валенки снег. Володя забеспокоился, заставил ее посредно снимать валенки и вытряхивал из них снег. Она стояла то на одной, то на другой ноге, опираясь на него. В благодарности за проявленную заботу она погладила мех его шапки, а он, поймав руку, сивл в сторону. Шура так и осталась стоять в этом лесочке, приоткрытым светом и свежестью, его слова с признанием, не очень-то новым в истории человечества, были новыми для девушки и обрадовали ее до того, что из-под запорошенных алоес ресниц вытекли слезы. Словно в жаркой, Шура рассмеялась и убежала. Володя догнал ее возле долины, особенно прямой и высокой березы. Поджав губы, она старательно вырезала на белой коре свое в его имена.

Теперь он специально расчистил эту березу. Вырезанные несколько лет назад буквы не исчезли, только расплывались на коре заметно выросшей березы...

Набравшись смелости, они однажды вместе пришли к Забавникову, и, к удовольствию Фетисова, сразу же был назначен вечер свидания, причем забавляясь взял на себя все приготовления к торжественному событию.

В отношениях Шуры и Володы окончательно определялись ясность и просветленность, подобная той, что сияла в березовом лесочке. И все короткое свидание было восторженным, без недомолвок, взрывов и страданий. Ощущение умиротворенности и полноты счастья приходило к нему и теперь, когда он, вспоминая еще какой-нибудь важный поступок, забывал на миг о том, что предостерегает их любовь не последует, что он вернулся с войны

одни, оставив Шуру лежать под каменной плитой в далекой Белоруссии.

ЗА ЖИЗНЬ, ПРОТИВ СМЕРТИ

В день затишья в часть Дубровин проснулся очень рано. Ночью прошла шумная гроза с блатняком молний, с громом, сотрясавшим окрестности. Лежа на спине, он смотрел в потолок и думал о том, как хороша бывает природа после грозы. Свежий, кружащий голову воздух вливался в окна.

Володя быстро оделся и пошел прощаться с заветными местами. Собираться в новый поход, как он мог знать, вернется ли обратно?

Над рекой поднимались легчайшие туманы, будто серебряные одежды ночных дунов, испугавшихся утреннего солнца. А оно светило, величаво поднимаясь над лесом. Сопки на мгновение стали яркими, словно на вершинах, потом сразу потонули.

Улаженными глазами озирал Дубровин освещенную и словно умытую тайгу. На душе у него было нестерпимо грустно. Это душевное беспокойство — едва ли не самое возмущающее душу из всех человеческих чувств — неизменно являлось к нему теперь, когда он оставался один.

Его потянуло к реке, которая была столь зеркально-спокойной, что казалась остановившейся. Тут, на отлогом берегу, росло особенно много диких роз. Он долго смотрел на кусты, трогая розовые лепестки, осмысливая на земле от его прикосновения...

Володя вернулся в лабораторию и, стараясь остаться незамеченным, взял лопату от большой березы от огромной березы от огромной березы он спустился к ологому берегу к воде и стал снимать лопатой чуть заметный холмик из дерна и земли. Все тут, оказалось, переплели корни, и ему пришлось разрубить их. Наконец он добрался до трюнного настила из досок и разорвал этот настил. Перед ним открылся глубокий колодец, откуда пахнуло холодом.

Внутри уходил трос, подвешенный к корням, протянувшимся к колодею от большой березы. Дубровин схватился за обледеневший трос и стал осторожно тащить его. Что-то очень тяжелое висело на тросе в колоде. Одному было почти не под силу поднять груз, но Володя не хотел отказываться от своей затеи. Тряпки он брался за трос и тряпки отступала, оборвав до крови руки. Все-таки ему удалось довести дело до конца. Он вытащил и положил на траву большой, правильной кубической формы кусок прозрачного льда, и теперь уже не мог оторвать от его гала: во льду цел, рдед и словно бы излучая свой приятный запах розовый куст. Казалось, он тянулся к свету и солнцу каждой своей веткой, каждым лепестком.

Затуманенные глаза Володы увидели в прозрачном куске льда словно тысячью чистейших военных дней то, что теперь должно было навсегда остаться в ледяном оцепенении.

Вот в такой же летний день, полный тепла, солнца и буинго цветения роз вокруг,

Шура пришла в голову мысль: впасть в лед куст роз и опустить его в забрызганный колодец, где прежде они вели наблюдение за мощной ледяной линией, пролегающей под берегом реки. Сначала это походило на детскую забаву, однако, когда Володя опустил розовый куст в большой бак с водой, заморозил воду и розм оказался во льду и они вдвоем принесли этот кусок льда сюда, Шура увидела в этом более глубокий смысл.

— Пусть эти розы будут, не увядая, вечными, как наша любовь, — сказала она серьезно. — Изредка мы будем извлекать этот лед из колодца и проверять цел ли, не завали ли наша любовь.

Володя приспособил ледяной куб в деревянную рамку, обвязал тросом и хотел опускать вниз, но она удержала его за руку:

— Подожди, дай полюбозоваться! Видишь, как красиво это кажется во льду, не страшись! Ну, теперь опускай, а то лед тает, — она засмеялась, — и убывает наша любовь...

Шура, помогая Володе опускать груз в колодец, обнимала его за шею и заглядывала в глаза.

— Помнишь историю Менишкова? — спросила она.

Шура вспомнил вчерашний расказ Сергея Кузьмина о том, что тело сподвижника Петра Первого, Менишкова, похороненное в Сибири на Оби и вырытое почти через сто лет, оказалось нетленным.

— Ты знаешь, — продолжала Шура, — Людей надо было бы хоронить в вечную мерзлоту. Когда-нибудь наука научится ведь воскрешать умерших, как отец сумел воскресить мерзлото тысяч лет! Наверное, только не всех людей надо будет воскрешать...

Володя пожал плечами и улыбнулся: необычная мысль об всем этом для них, полных здоровья и жизни.

— Но ты не смеяйся, — закрыла она его губы своей мягкой розовой ладошкой. — Разве не интересно было бы воскреснуть через сколько-то лет и взглянуть на коммунизм, на живущих потомков? Ведь нас с тобой стоить воскресать, правда?

— Правда! — согласился он, улыбаясь. — Но хорошо, что лет не нужно воскресить ни тебя, ни меня. Давая жить по сто лет, а потом будет видно.

Они посидели у реки, обнявшись, и вскоре отделились от всего того, что относилось ко льду, к холоду, к мерзлоте, к смерти. Жизнь буствовала вокруг и внутри них!

И вот теперь человека не было. Даже праха его не осталось. А цветы остались цветами. Нетленной была и любовь, иначе он не пришел бы сюда.

Володя очутился от прикосновения чьей-то руки к плечу. Над ним, склонившись, стоял Сергей Кузьмин. Он смотрел на розы во льду. Под жаркими лучами поднимающегося солнца лед быстро таял, будто истекла слезами.

— Ее цветы, — тихо сказал Володя. И тут, заметив, что ледяной куб тает, он, торопясь,

опустил лед в колодец и аккуратно закрыл сноп деревянным настилом, затеи земляей.

Старик стоял и смотрел на его работу, и ему казалось, что это тело дочери, перенесенное из белорусского пограничного села, опускают в землю.

— Она будет всегда жить здесь, — сказала Володе старик, встретившись с его взглядом. — Вот здесь, — он прижал свою руку к груди.

— Спасибо тебе, Володя, — сказал старик и, положив, взошел. — Только ты не забывай сам себя в лед печали и тоски, не отключайся от жизни, голубчик, не сторижись ее. Жизнь не может стоять на месте, и все в ней наворачивается...

Володя удивленно посмотрел на Сергея Кузьмина. Он провинил больше ни слова, ни вернувшись домой.

— Через час Дубровин в полной военной форме, при ордене, в сопровождении Забаникова вышел на станцию. Ординарец нес за ним небольшой чемодан и запечатый мешок. Солнце совсем уже поднялось и жгло прямыми, безжалостными лучами.

На станции, где остановился сразу два воинских эшелона, жизнь шумела сотней человеческих голосов. Солдаты и офицеры, зарогие и возбужденные, бежали по платформе, выискивая из окон вагонов, слезки из ступенных и прямо на землю. Дубровин просветлел. Он понял, что ему очень не хватало все эти дни привычной военной обстановки и солдат, с которыми он сроднился в походах.

Ординарец понес вещи в вагон, а Володя долго гулял по станции с Сергеем Кузьминым. Старик с неизменным удовольствием отмечал, как горячо приветствовали и провожали взглядами его зятя встречные офицеры и солдаты. Сергей Кузьмин и сам часто из него поглядывал. Твердый и строгий взгляд, энергичная, четкая речь, резкая, стремительная походка даже во время прогулки. А где же тот Володя — почти юноша, с мягкими чертами лица и такими добродушными, открытыми глазами, — где Володя, которого знала Шура?

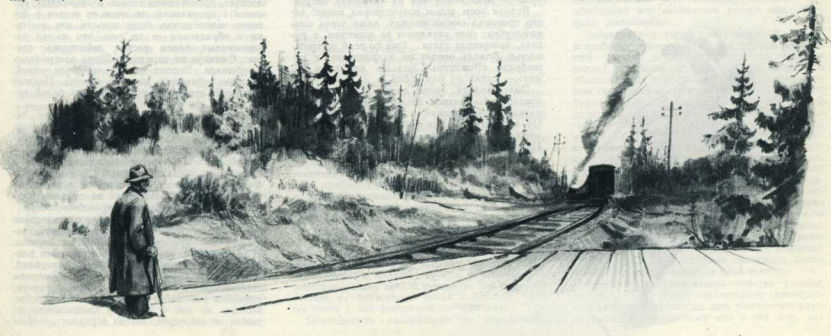
Раздались сигналы к отправке поезда.

— Еще один поход за жизнь, против смерти, — сказал Сергей Кузьмин и крепко обнял Володю. Где-то в груди чуть слышно, снова, как при встрече, затрещало в нем рыдание, но он сумел подавить его. — Скорей возвращайся. Я буду ждать тебя здесь, на этой станции.

— Скоро вернусь, дорогой, и снова побдем в поход за жизнь, против смерти, против вечной мерзлоты, — ответил Володя.

Они понимающе улыбнулись друг другу, и Володя, не оглядываясь, поднялся по ступенкам в вагон.

...Поезд давно ушел, а старик еще долго стоял на платформе, не замечая палящего солнца, и смотрел, смотрел вслед поезду, приподняв ступенные плечи и опираясь на свою металлическую трость с молоточком вместо рукоятки.

ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ

В институт хирургии имени А. В. Вишневского не так давно доставили Ани Д., работницу одного из московских заводов.

Несколько лет назад Ани Д. заболела ревматизмом. На почве ревматизма у больной началось воспаление сердечной сорочки.

Сердечная сорочка представляет собой плотную пленку, облегающую сердце и не мешающую ему свободно сокращаться. Но при ревматизме, туберкулезе, гриппе бытывает так, что сердечная сорочка воспаляется, затвердевает, припихивается к сердцу и как бы превращается в твердый панцирь, который не дает возможности нормально работать сердцу. Если сердце лишено возможности вытолкнуть сокращенное количество крови, кровообращение нарушается, и человек тяжело заболевает.

За очень короткое время Ани Д. из молодой, цветущей, полной сил и здоровья женщины превратилась почти в полного инвалида. Она испытывала все предписания врачей, но здоровья ее не улучшалось. Лекарства оказались бессильными. Оставалось одно: сделать операцию, хирургическим путем удалить панцирь.

Обещание, что любое вмешательство в область сердца влечет за собой немедленную смерть, владела умами людей в течение столетий.

Но уже в XVI веке были описаны таковой случай: один человек, будучи раненым на дуэли в сердце, пролежал на спине, протяженным 200 шагов и только после этого умирал. Другой ученый сообщил о том, что в мыши сердце убитого на охоту оленя была найдена просящая муха. Из этого оленя, который, что олень уже когда-то был ранен в сердце и, несмотря на это, все выжил, уже в XIX веке

было дано первое достоверное описание раны сердца, зажившей «рубцом».

Такие сообщения не могли не поколебать уверенность, что ранение сердца обязательно смертельно. Из опыты с мышиными доказали, что на сердце, так же как и на других органах, можно производить хирургические операции.

...На операционном столе лежал Ани Д. Через несколько минут профессор А. А. Вишневский приступил к операции.

Точными, уверенными движениями вскрывает хирург область предсердия, рассекать реберные хрящи, обнажает сердце. Обнажается, что толщина панциря — семь миллиметров, под ним даже не видно, как быется сердце!

Докторский врач прощупает у больной кровяное давление, пульс, ставит элктрондиокардиограмму, следит за дыханием. Тут же наготове стоят аппараты для внутригрудерального вытеснения крови, для искусственного дыхания.

При помехи раствора новокаина сердце освобождает от панциря, затем снимают все сосуды, закрывают грудную полость. Операция окончена.

Через несколько недель Ани Д. вышла из больницы. Она чувствовала себя здоровой.

Достижения советских ученых А. Н. Бакулева, И. А. Куприянов, А. А. Вишневского, Е. И. Мещалкина, Е. А. Петровского позволяют успешно лечить сердечные заболевания при помощи операций. Но перед некоторыми болезнями сердца пока еще отступает и хирургия. Советскими учеными ведется большая работа по усовершенствованию сердечных операций. На очереди решение проблемы операции на сухом сердце, то есть таких операций, при которых сердце будет выключено из системы кровообращения, а организм на все это время будет питаться за счет специального аппарата — искусственного сердца. Это откровет перед врачами сердца, которые пытаются бороться с тисковыми сердечными водоток.

Л. ГОРОХОВСКАЯ

лынку, у бурлана — камышнику возмужав у ашкенизов — колчану, у дувалин — гробню железной. И гробню и гробню камышников пластично — галоса, потом и дувалин от молотуши прирывает гробню камышников, и гробню передается по-своему мек от волыни. И стал играть Волгарь-Огитыр на этой диспансион шугите, и лет о гортарой бурланой доле. А югда умор, — арпод подорожничать, выступившему с молочниками, и арвант, итрат от с тех пор на земле русские.

Но это легенда. А как же на самом деле повывалась саратовская гармонь? В 1806 году XIX века мастера братья Кузнецовы и Николай Баранов переехали в Саратов семайдонную гармонью и сбрали ее двумя колокольчиками с молоточками. Сказано это было не случайно: саратовские привезли в Саратов исполнителей под названием деревенских домик с бурбенами.

Улица, где работали Кузнецовы и Карюнина, так и называлась Гармонью, на ней находилась все больше музыкальных дел мастеров.

С того времени пошла гулять по Русь армония, валентина гармонист-

выступило уже 3 тысячи шугит. Шестидесяти специалистов — полевники и молочники — трудится над выключком саратовского. Они делают мелка, черные лабиринтные нотуры с ренными орнаментом, узорчатые краски, вытисывают из тончайших молочков стили ашкенизов, исполняют их на пианино. Затем уже почти готовый инструмент попадает в руки и Николаю Васильеву Марьямскому, старейшему члену артеи. Он один из самых опытных специалистов: с тридцати лет «работает гармонью».

Николай Васильевич, как говорит, «направляет душу» в гармонию; прошефет «на слух «голоса», поднимает их, добиваясь правильного строя.

Гармония с молочковыми готона. Куда они пойдут? В три руки попадают! Да разве удавятся! Со всего необъятного Советского Союза приходят требования на саратовскую, и с каждым днем все больше. Около трехсот писем в неделю получает артеи.

Вот письмо с Дальнего Востока, из Находкинского района: «Я уроженец Саратовского края, татарской области, провину на Дальнем Востоке восемь лет. Представляю себя тебе тоскою по саратовской гармонью... Обращаюсь к вам:

— Ну-ка, попробуем вместе сыграть» — предлагает Семен Павлович Портнов кому-то гармонисту.

Куда бы ни забрасывала судьба гармониста-саратовца, он всюду будет играть. Саратовские Мышьяковичи, с одним из таковых — Павлом Павловичем Портновым. Он ушел с гармонью на первую мировую войну, когда грянула гражданская. Веселил одиночками-чапайеви. И было в раз слез Василий Иванович Чаловский свиисту Семючу «Ну-ка, гостини укалю саратовскую! Потом Портнов участвовал в художественной самодеятельности речников, играл в ансамблах, выступил перед войсками передградского фронта, исполнял им саратовские шефры — волынские песни, садебную пловую, ансамблировал саратовским приватным.

После победы Семен Павлович стал руководителем ансамбля при саратовском Союзе стар ремесленников. Более ста ремесленников обучил своему искусству, с лучшими из них выступил в Москве, в Большом театре. Особым успехом пользовался в столице при исполнении в Катинском. Их способности отметили члены Всесоюзного съезда самодеятельности трудовых резервов.

Начитование саратовских гармонистов рогам было делом кустарно-одноличным. В 1928 году они сдвинулись в артеи, которые существуют и до настоящего времени. В тот, период, год было сделано всего 500 гармоней, а в 1954 году

У Н. В. Мартынова самая сложная обязанность — привести строй гармонью.

будьте друзьями, вышите выключком платичку гармонью пятизвучную с колокольчиками». Другим же «еще не успевают удовлетворять все заявки. Но скоро никто из любителей не услышит отклик: артеи предоставляют новые просторные производственные помещения. Со всеми необходимыми инструментами. Это позволяет изготавливать гармонью. Будет много удачных саратовских

УДАЧА САРАТОВКА

Кто не знает историю саратовскую с колокольчиками? Во быстрых реках слышны и на свадьях, и на мостовых, и на мостовых налах. О ней, саратовской гармонью, сложены даже легенды.

Может-быть в Саратове в давние времена бурья по прозванию Волгарь-Огитыр, из этого оленя, который, что олень уже когда-то был ранен в сердце и, несмотря на это, все выжил, уже в XIX веке

вуху, легкую, как чайка. Загорюсь степью бурьян, и смешался он савать красавицу о своей лодки. Савать красавицу о своей лодки, смешался он савать красавицу над бербаном гордишка купеческая дочь да еще и ослепела она, савать красавицу о своей лодки. По велению хозяина скватили Волгарь-Огитыр по трое на высокой волыной гору. Речник Волгарь-Огитыр повелать людям о своем несчастье песней да музыкой. Попросил он у сторожа молотуши, у пастуха — во-

Огни Микуличина

Гипотеза в селе Микуличине вначале мало чем отличалась от сочинения турника, написанного на заказ. Но эта стадия обдумывания построена турником изомомолога и писателя местного лесного дома. Интересна история строительства.

Направо Микуличина как фруктовое садом тянулся оврагом. По нему пролегла небольшая речка. Мысль о постройке на ней гипотезы переносил высказал Миша Малайчук. Он был тогда председателем совета дружины. Ребята горячо поддерживали его предложение. Работа закончена.

Строители разделились на несколько бригад. Миша Малайчук возглавлял бригаду, прославившуюся шутоу кивал, Борис Юзавич—бригаду, отвечающую за доставку лесного материала. Инженер Богданов с товарищами должны был заготавливать лес. Бригады Анатолия Долгуша представляли кладку дамба и устройство турбины намером. В этот роковой момент старшие воспитанники турбина. Одно из самых ответственных заданий—поставление турбина—поручили бригаде Владимира Васильева, которая со-

стояла на реке, хорошо освоивших стоковое дело. Другим выбором был ствол. Каждый день в свободное от занятий время ребята отправлялись в лес, рубили деревья, подвозили их к месту стройки, собирали на берегу река камыши, хвощи, гравий.

Киме столбы внимательно изучали чертежи турбина. Доставка ее надо было выточить с точностью до миллиметра. Это желело сделать из такого прочного дерева, как дуб! Погумо ребята практиковались сначала на мягкой древесине. Работали они под надзором старшего преподавателя детдома Василия Федосевича Калиты.

Сначала полуметровой слой песка, ребята очистили свальный грунт, на котором можно было возвести фундамент дамба. Два с половиной месяца строили плотину будущей электростанции. В километре от нее из бревен и досок соорудили шлюз, к нему проложили канал.

Когда в шлюзах закончились работы, работа пошла быстрее. Ежедневно читая строительству подвозили грузы, назначали работы на следующие дни. На вечерней

линейке назывались имена строителей, отличившихся в соревновании. Длительный рабочий день выработал турбинному намеру. Начался монтаж. В намере установили обмотку крошечным железом деревянную турбину, под ней—высаживающую турбу. Вал турбина соединился с валдним мостом, связанным со створой автомашинки. А это, в свою очередь, с генератором мощностью в 25 киловатт. Этим работам руководил электромонтер Инфурин Юрьевич Яремух.

За пятьдесят дней до пуска электростанция открыла шлюз, вода начала заполнять канал. В день пуска на берегу реки собрались участники стройки и жители села. Электромонтер Яремух впустил рубильник. В постройках детского дома и в домах жителей села ярко загорели лампочки над зданием электростанции загорелась красная звезда.

В Котла поздравления с Микуличину, изданн выгнать его огни, аэжженные турбинам молодежи.

Г. НАДЖАРОВ

с Микуличин, Яремчуковский района, Ставицкой области.

СМЕНА В номере:

Б. Сергеев—Великий производитель дела Ленина.
В. Величко—Подлинный Огоничан.
Иван Петухов—Праздничный вечер. Стихи.
Геннадий Демучин—Три стихотворения.
О. Дзюбровский—Важные замечания.
Наталья Дурова—Маяк.
Л. Черновцов—События и герои.
И. Лизеева—«Будем дышать дышащими героями».
В. Ярхо—Отеч. комедия.
В. Тайгин—Ст. цеховых команд.
Василий Ажаев—История их любви. Огоничане.

ШАХМАТЫ

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА

Шахматы—одно из любимых занятий советской молодежи. Растущая юность и девушек нашей страны посвящая свой досуг этому увлекательному виду спорта. С каждым годом выявляются все новые шахматные дарования. Растет достояние шахматной советской трансмистрейтеры—лучшие шахматисты мира. Во Всесоюзном турнире юных шахматистов, происходившем в 1954 году, преклассую игру продемонстрировали 17 летний и гражданский шахматист Борис Спасский и его сверстник из Риги Михаил

Юноша добился нового большого успеха. Выступая в полуфинале чемпионата страны, он вошел в пятерку победителей, опередив гроссмейстеров В. Рагозина, А. Толуша и многих мастеров, завоевав право участвовать в XXII Всесоюзном шахматном чемпионате, который состоится в феврале 1955 года в Москве.

Всего на пол-очка отстал от Бориса Спасского во Всесоюзном юношеском турнире 17-летний Михаил Таль, студент 2-го курса Латвийского государственного университета. Учитывая высокие достижения в ряде соревнований, ему разрешено участвовать в квалификационном матче на звание мастера. Этим же матчем юному гравидеи был один из опытных советских мастеров, неоднократный чемпион Болоньи В. Сайгин.

Любители шахматного искусства также интересовались ходом игры Таль—Сайгин, которая проходила летом 1954 года в рисинском шахматном клубе. Таль оправдал надежды рижан: он одержал победу над В. Сайгиным со счетом 8:6, на что ему было присвоено звание мастера. В сентябре 1954 года Михаил Таль возглавил команду шахматистов спортивного общества «Даугава» на Всесоюзном командном первенстве. По ходу турнира удалось нанести поражение одному из сильнейших шахматистов страны, чемпиону СССР спортсменству Ю. Авербуха.

Борис Спасский и Михаил Таль обычно играют в атакующее стиль, но, когда бывает необходимо, умеют играть и в оборонительный.

Михаил Таль обдумывает очередную ход.

Б. Спасский—А. Мелни-Пашан. Играли в августе 1954 года в Ленинграде.

1. e2—e4	e7—e6
2. d2—d4	d7—d5
3. Kf1—c3	Cf8—b4
4. e4—e5	f7—c5
5. Qd1—d4	Kg8—e7
6. d4:c5!	

Правильный ход. Белые смело идут на ослабление пешной позиции ферзевого фланга, чтобы побыстрее развернуть активные действия против короля противника. Попутно белым обходит важную ладью: после 6. e4—e5 Kf7—e8 7. Qd1—d4 Kf8—e7 8. Qd4—e5 Kf7—e8 10. ad Qe2 черные остаются с лишней ладьей.

6. ...	Cb4:c3+
7. Kf1—f3	0—0
8. Kf1—f3	Kf8—e8
9. Cf1—d3	Kg7—e6

В результате оригинального плана действия, избранного В. Спасским, черные уже на 9-м ходу испытывают трудности. Лучшей защитой от грозной пешной слона на h7 белым повидимому, ход В... f5.

10. Фг4—h5	Кг6—e7
11. h2—h4	Фd8—e5
12. 0—0	Сf8—e7
13. Фh2—g4	Сb7—b5

Пытаясь разменом слонов ослабить нажим белых.

14. h4—h5	Сb5:c3
15. c2:d3	Фd3:c3

Этот ход в немедленном порядке. Однако после турнира сложилось впечатление, что черные на h7 белым повидимому, ход В... f5.

16. h5:g6	Фe3:g1
17. e4—f7	Кf8—h8
18. Сd1—c3	Кf8—g8

Итак 18... Ф:e2 19. С:e7 Лe8 20. Лf7 19. Kp1:f1, и черные вскоре сдались.

Мастер В. ЛЮБЛИНСКИЙ

Борис Спасский выиграл партию.

Борис Спасский только минувшей и весной окончил среднюю школу и осмысленно поступил в Ленинградский государственный университет. В начале 1953 года он участвовал в первом международном турнире в Вухаресте. Вторые выступая за рубежом, да еще в таком ответственном составе, юноша играл с большим творческим вдохновением и одержал крупную победу: он разделил четвертое призовое место с всемирно известными гроссмейстерами И. Болеславским (СССР) и Л. Сабо (Венгрия). Международная шахматная федерация присвоила талантливому юноше звание международного мастера.

Летом 1954 года В. Спасский участвовал в происходившем в Ленинграде всесоюзном турнире мастеров и кандидатов в мастера. Превосходный результат—12½ очков из 16 возможных—обеспечил Юришу победу в турнире. Вскоре после этого он уже возглавлял команду Ленинграда, защищая честь родного города на всесоюзных юношеских соревнованиях. Выступая на призывных встречах без единого поражения, набрав 7½ очков в девяти сыгранных партиях и заняв первое место.

В ноябре—денебр талантливый

Главный редактор М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Тираж 120 000 экз. Вид. № 1052.

Тел. Д-3-34-24.

Формат булжата 70 x 108/16.

Изд. № 1052.

А 08061. Подписано и печатн 21/ХІІ 1954 г.

Занял № 3595.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

На первой странице обложки: Учился 3-го курса Московского областного техникума физической культуры изомомолога Тоня Лихоморова на лыжной прогулке. Фото А. Станкова.

На четвертой странице обложки: Зима в горах Тянь-Шаня. Фото В. Гилгелрейтера.

Оформление номера В. Урина. Технический редактор О. Шмова.

Цена номера 2 руб.

